

Наталья Рокотова
ОСНОВЫ БУДДИЗМА

ОСНОВЫ БУДДИЗМА

НАТАЛИЯ РОКОВА

УГУНС

© Agni Yoga Society, New York, 2003,
публикация на сайте www.agniyoga.org

*Настоящая электронная версия
публикуется по изданию:*

Наталия Рокотова (Е. И. Рерих).

Основы буддизма.

4-е издание, с изм. Р.-М.: Угунс, 2002.

Рига, 1940 (1-е изд. — Улан-Батор, 192[7])

© Туранов Г., 1997, подготовка текста, приложение

© Туранов Г., 2002, с изменениями и дополнениями

Все права сохраняются.

Любое воспроизведение допускается

только с письменного разрешения издателя.

Великий Гаутама дал миру законченное учение совершенного строения жизни. Всякая попытка сделать из великого эволюционера бога приводит к нелепости.

Конечно, до Гаутамы был целый ряд подвижников общего блага, но учение их расплылось сотнями веков. Потому учение Гаутамы должно быть принято как первое учение знания законов великой материи и эволюции мира.

Современное понимание общины даёт прекрасный мост от Будды до наших дней. Произносим эту формулу не для возвеличивания, не для умаления, но как факт очевидный и непреложный.

Закон бесстрашия, закон отказа от собственности, закон ценности труда, закон достоинства человеческой личности, вне классов и внешних отличий, закон реального

знания, закон любви на основе самосознания делают заветы Учителей непрерывной радугой радости человечества.

Построим основы буддизма в его явленных заветах. Учение простое, равное по красоте Космосу, удалит всякий намёк на идола, недостойный великого Учителя народа.

Знание было ведущей тропой великих Учителей. Знание позволит подойти к великим учениям свободно, жизненно, как реальна сама великая материя.

Не будем вводить позднейших сложностей, кратко скажем о тех основах, которые не могут быть отрицаемы.

Радость всем народам!

Радость всем трудящимся!

Говоря об основах буддизма, нельзя останавливаться на позднейших усложнениях и разветвлениях. Важно знать, что идея очищения учения всегда жива в буддийском сознании. Вскоре после смерти Учителя начались известные соборы в Раджагрихе, потом в Вайшали и в Патне, возвращая учение к его первоначальной простоте.

Главные существующие школы буддизма — махаяна (Тибет, Монголия, Россия — калмыки, буряты, Китай, Япония, Северная Индия) и хинаяна (Индокитай, Бирма, Сиам, Цейлон и Индия). Но во всех школах одинаково помнят о качествах самого Учителя.

Качества Будды: Шакья Муни — Мудрый из рода Шакья; Шакья Синха — Шакья Лев; Бхагават — Благословенный; Саттха — Учитель; Татхагата — Прошедший великий Путь; Джина — Победитель; Владыка Благого Закона.

Необыкновенно прекрасен этот приход царя в облике могучего нищего. «Идите, вы, нищие, несите спасение и благо народам». В этом напутствии Будды в одном определении *нищие* заключена целая программа.

Познавая учение Будды, понимаете, откуда идёт утверждение буддистов: «Будда — человек». Его учение жизни — вне всяких предрассудков. Храм для него не существует, но есть место собраний и дом знаний, тибетские *дуканг* и *цуглакэнг*.

Будда отрицал существование личного Бога. Будда отрицал существование вечной и неизменной души. Будда дал учение жизни каждого дня. Будда действительно выступил против собственности. Будда лично боролся против изуверства каст и преимущества классов. Будда утверждал опытное, достоверное знание и ценность труда. Будда заповедал изучать жизнь мира в полной его реальности. Будда положил основание общине, предвидя торжество Общины Мира.

Сотни миллионов почитателей Будды распространены по всему миру, и каждый утверждает:

«Прибегаю к Будде, прибегаю к Учению, прибегаю к Общине».

Буддийская письменная традиция и современные нам исследования устанавливают ряд подробностей жизни Гаутама Будды. Кончина Будды относится большинством исследователей к 483 г. до нашей эры. Согласно сингальским хроникам, Будда жил с 621 по 543 г. до н.э. Китайские хроники относят рождение Будды к 1024 году до н.э. Указан возраст Учителя — около восьмидесяти лет (устные традиции утверждают — сто лет). Известно место рождения Учителя — Капилавасту, расположенное в непальских тераях. Известен царский род Шакья, из которого происходил Гаутама.

Конечно, все биографии великого Учителя сильно приукрашены современниками и последователями, особенно в позднейших писаниях, но для сохранения колорита и характера эпохи приходится до некоторой степени пользоваться традиционным изложением.

Согласно преданиям, в шестом веке до нашей эры в Северной Индии, в предгорьях Гималаев, существовало владение Капилавасту; оно было населено многочисленными племенами Шакья, потомками Икшваку, солнечного рода кшатриев. Они управлялись старшим в племени, и глава племени жил в городе Капилавасту, от которого в настоящее время не осталось следов, ибо ещё при жизни Будды он был разрушен соседним враждебным царём. В то время в Капилавасту царствовал Шуддходана, последний прямой потомок Икшваку. От этого царя и его жены Майи рождён был будущий великий Учитель, получивший имя Сиддхартха, что означает — «исполнивший своё назначение».

Видения и пророчества предшествовали его рождению. Немало легенд о его чудесном зачатии. Так, по одной легенде, Бодхисаттва, избрав царицу Майю своей матерью для своего появления на Земле, принял образ чудесного белого слона и вошёл в её чрево; по другой — это был сон, который видела Майя. По древнему преданию, видение слона всегда означает воплощение божественного Аватара. Само рождение его

в день майского полнолуния сопровождалось многочисленными благоприятными знамениями на небесах и земле. Так, великий Риши Асита, находившийся в Гималаях в отшельничестве, услышав от Дэв о рождении в роце Лумбини (вблизи Капилавасту) Бодхисаттвы, будущего Будды, который пустит в ход колесо Учения, немедленно собрался в путь для воздания почтения будущему Учителю человечества. Придя во дворец Шуддходаны, он выразил желание увидеть новорождённого Бодхисаттву. Царь приказал принести младенца, ожидая благословения от великого Риши. Но Асита, увидев младенца, сначала радостно улыбнулся, затем зарыдал. Обеспокоенный царь спросил о причине его горя и не видит ли он дурных предзнаменований для его сына? На это Риши ответил, что ничто не угрожает младенцу. Он радуется, ибо Бодхисаттва достигнет полного озарения и станет великим Буддой, но он и скорбит, ибо не доживёт до его дней и не услышит Великий Закон, который будет оповещён на спасение мира.

Царица Майя, дав рождение Бодхисаттве, на седьмой день умерла, и место её заняла сестра её,

по имени Праджапати. В истории буддизма она известна как первая ученица Будды и как основательница и первая настоятельница женской буддийской общины.

По обычаю того времени, на пятый день после рождения Бодхисаттвы сто восемь браминов, из наиболее сведущих в Ведах и предсказаниях, были созваны во дворец Шуддходаны, чтобы дать имя новорождённому царевичу и прочесть и определить его жизненный путь в предначертаниях светил.

Восемь из самых учёных сказали: «Имеющий такие знаки, как царевич, делается мировым Монархом — Чакравартином, но если он удалится от мира, он станет Буддой и снимет пелену невежества с глаз мира».

Восьмой, самый молодой, добавил: «Царевич покинет мир после того, как он увидит четыре знака — старика, больного человека, труп и отшельника».

Шуддходана, желая удержать сына-наследника, принял все меры к тому. Окружил его всею

роскошью, всеми удовольствиями, которые могла предоставить царская власть. Зная, что сын его будет побуждён к отречению и уходу указанными четырьмя встречами, царь издал строжайший приказ наблюдать за тем, чтобы царевич не мог увидеть ни одного из указанных явлений. Во все четыре стороны на расстоянии четверти мили от дворцов была расставлена надёжная стража, которая никого не должна была пропускать. Но предначертанное исполнилось.

Есть много данных, указывающих, что царевич Сиддхартха получил прекрасное образование, ибо знание в те времена было в большом уважении и, согласно примечанию в *Буддхачарите* Ашвагхоши, самый город Капилавасту был назван так в честь великого Капилы, основателя философии санкхья.¹ Отзвуки этой философии могут быть найдены в учении Благословенного.

В Каноне для большей убедительности в уста самого Будды вложено описание роскошной жизни при дворе Шуддходаны. «О нищенствующие, я был воспитан в утончённости, в чрезвычайной утончённости... Во владениях моего

отца пруды лотосов, синих, красных и белых, были сделаны для меня. Я употреблял сандаловое масло лишь из Бенареса, и все мои одежды привозились из Бенареса. День и ночь белый зонтик держали надо мною, чтобы ни холод или зной, ни пыль или дождь не коснулись меня... Я владел тремя дворцами — один для зимы, другой для лета и третий для дождливого периода. В продолжение четырёх дождливых месяцев я был окружён музыкантами, певцами и танцовщицами и не покидал дворца... И тогда как в других владениях отруби риса давались в пищу рабам и работникам, у моего отца рабы и работники получали рис и мясо в пищу...»²

Но эта роскошь и счастливая беззаботная жизнь не могли усыпить великий дух, и в древнейших традициях мы встречаем указание, что пробуждение сознания к страданиям человечества и к проблемам существования произошло гораздо раньше, нежели это принято позднейшими писаниями.

В *Ангуттара-никае* приведены и следующие слова, якобы самого Будды: «И мне, о нищенствующие, рождённому в такой роскоши

и воспитанному в такой утонченности, явилась мысль: „Истинно, невежественный, обыкновенный человек, будучи сам подвержен старости, без возможности избежать её, печалуетя, когда он видит, как стареют другие. Я тоже подвержен старости и не могу избежать её. И если я, будучи подвержен всему этому, увижу дряхлого старика, болеющего и страдающего, то тяжело будет мне“. [То же повторяется и о болезни и о смерти.] И когда я так размышлял, вся моя радость юности исчезла навсегда».²

Так, по этим традициям, Бодхисаттва с самых ранних лет проявлял необычайное сострадание и зоркую наблюдательность к окружающим явлениям. Сказания изобилуют трогательными эпизодами из детской жизни Бодхисаттвы. Приведём некоторые из них.

В *Махавасту* рассказывается, как однажды малолетний Бодхисаттва с царём и в сопровождении придворных находился в парке. И так как он мог уже самостоятельно ходить, то прошёл незамеченный по направлению к местному селению, и тут на поле он увидел змею и лягушку,

убитых плугом. Лягушка была взята в пищу, змея же выброшена. Зрелище это так поразило Бодхисаттву, что он преисполнился великой печали и ощутил необычайное сострадание. И, желая уединиться для размышления над только что увиденным, он направился к цветущей яблоне, стоявшей в уединённом месте. Здесь, сидя на земле, покрытой сухими листьями, он предался своим мыслям. Тем временем царь, обеспокоенный его отсутствием, послал придворных на его розыски. Один из них нашёл его под тенью яблони, погружённого в глубокое размышление.³

Другой раз он увидел пахарей. Они были грязны, нечёсаны, босы, и по телу их катился пот. Они погоняли быков железными прутьями. По спинам и бокам животных струилась кровь. Они были изъедены мухами и насекомыми и покрыты кровоточащими и гноящимися ранами от ударов железными прутами; отягощённые своим ярмом, они едва переводили дыхание, надрываясь в страшных усилиях. Нежное сердце Бодхисаттвы преисполнилось острого сострадания.

«Кому принадлежите вы?» — спросил он пахарей.

«Мы собственность царя», — отвечали они.

«От сего дня вы больше не рабы, вы больше не будете слугами. Идите куда хотите и живите в радости».

Он также освободил быков, сказав им: «От сего дня паситесь на свободе и пейте самую чистую воду, и пусть благодатный ветер с четырёх стран света овеет вас».

Затем, увидев тенистое бамбуковое дерево, он сел у его подножия и предался размышлению.

Девадатта, увидя гуся летящего над своей головой, пустил стрелу, и раненная птица упала в сад Бодхисаттвы. Бодхисаттва поднял её и, вынув стрелу, перевязал рану. Девадатта послал за птицей, но Бодхисаттва отказался отдать её посланцу, сказав, что птица принадлежит не тому, кто хотел лишить её жизни, но тому, кто спас её. Так произошёл первый разлад с Девадаттой.

Когда царевичу исполнилось шестнадцать лет, по обычаю его страны он должен был избрать себе супругу после того, как явится победителем на состязаниях в военном искусстве и играх. Выбор царевича пал на царевну Яшодхару из того же рода Шакья. Она стала матерью Рахулы, который впоследствии сделался учеником своего отца и достиг Архатства.

Но личное счастье, как бы ни было оно велико, не могло удовлетворить огненно устремлённый дух Бодхисаттвы. Сердце его продолжало отзвучать на каждое человеческое горе, и ум его, созерцая непостоянство и скоротечность всего существующего, не ведал покоя. Он томился в роскошных помещениях своего дворца и, подобно льву, пронзённому ядоносной стрелой, в страдании восклицал: «Мир полон невежества и страдания, нет никого, кто бы мог исцелить недуги существования!»

Это состояние его духа символически описано в четырёх предуказанных встречах, запечатлевшихся в уме царевича сознанием страдания и тленности всего сущего. После них он оставил

своё царство в поисках освобождения мира от страдания.

По древним текстам, решение Будды уйти от мира возникло из его внутреннего влечения, но позднейшие тексты приписывают это воздействию богов, которые побудили его к этому и послали ему четырёх ангелов, принявших образы дряхлого старика, больного, трупа и анахорета. Так, в древней биографии в стихе, следующем после третьей встречи, имеется примечание, что только Бодхисатва и его возница видели труп, который переносили через дорогу.¹ Согласно другой сутре, царевичу было тогда двадцать девять лет.⁴ Так легенда гласит:

Однажды царевич сказал своему вознице Чандаке, что он желает проехаться по парку. На пути им повстречался дряхлый старик. Возница объяснил царевичу, что есть старость и как все люди подвержены ей. Глубоко потрясённый царевич велел повернуть обратно и вернулся домой.

Вскоре после этой встречи он снова проезжал тем же парком и на дороге увидел человека, всё

тело которого было обезображено отвратительной болезнью, и тяжко стонавшего от страданий. Возница пояснил ему, что́ есть болезнь и что все люди подвержены тому же. И снова царевич приказал повернуть обратно. Все удовольствия поблекли для него, и радости жизни стали ненавистны.

Другой раз он повстречал шествие с зажжёнными факелами, люди несли носилки и на них нечто, закрытое белым покрывалом; женщины с распущенными волосами с громким плачем сопровождали их — это был труп. Чандака сказал ему, что все должны прийти к такому состоянию. И царевич воскликнул: «О люди! Как пагубно ваше обольщение! Неизбежно ваше тело обратится в прах, но вы продолжаете жить беззаботно, не обращая ни на что внимания!» Возница, заметив, какое впечатление произвело это зрелище на царевича, повернул коней по направлению к городу.

Тут произошёл новый случай, который как бы указал царевичу разрешение мучившего его вопроса. Когда они проезжали мимо дворцов, принадлежавших представителям знати из рода

Шакья, одна из царевен увидела царевича с балкона своего дворца и приветствовала его стихами, в которых слово *Нибутта* (Нирвана, освобождение, счастье) повторялось в каждой строке:

Счастлив отец, породивший тебя,
Счастлива мать, взрастившая тебя,
Счастлива жена, которая называет мужем
этого прекрасного возлюбленного.
Она стала превыше страданий.

Царевич, услышав слово *Нибутта*, снял с шеи драгоценное ожерелье и послал его царевне, прося её принять это в награду за то наставление, которое она ему дала. Он подумал: «Счастливы те, которые нашли освобождение. Стремясь к спокойствию ума, я стану искать блаженство Нирваны».

В ту же ночь Яшодхаре снился сон, что царевич покинул её; проснувшись, она рассказала ему свой сон: «О мой Возлюбленный, куда ты пойдёшь, позволь и мне пойти за тобою».

И он, намереваясь отправиться туда, где не было страданий (Нирвана), ответил: «Пусть будет так, куда я пойду, ты тоже можешь идти».

После возвращения Будды, Яшодхара вместе с его второю матерью Праджапати стали его первыми ученицами.

Была ночь. Царевич не мог найти успокоения на своём ложе. Встал и вышел в сад. Там он сел под большим деревом и предался размышлениям над жизнью и смертью, над бедствием разложения. Он сосредоточил свой ум и обрёл ясность мышления, и полное спокойствие снизошло на него. Находясь в таком состоянии, умственный взор его открылся, и он увидел перед собой высокий и величавый облик Старца, исполненный спокойствия и достоинства.

«Откуда Ты и Кто Ты?» — спросил царевич.

В ответ Видение произнесло: «Я — Шрамана. Угнетённый мыслью о старости, болезни и смерти, я покинул дом мой в поисках пути спасения. Все вещи устремляются к разложению, лишь Истина пребывает в вечности. Всё подлежит изменению и нет постоянства, но слова Будд остаются неизменными».

Сиддхартха спросил: «Можно ли обрести спокойствие в этом мире горя и страдания? Я по-

давлен пустотою земных удовольствий, и всякая чувственность мне ненавистна. Всё угнетает меня, и само существование кажется невыносимым».

Шрамана отвечал: «Где есть зной, там есть и возможность холода. Существа, подверженные страданиям, обладают и способностью наслаждаться. Начало зла указывает, что и добро может быть развито. Ибо эти вещи — относительны. Там, где страдания велики, там и блаженство будет велико, если только ты откроешь глаза, чтобы увидеть. Как человек, упавший на кучу отбросов, должен найти ближайший пруд, покрытый лотосами, так же точно должен ты искать великое бессмертное озеро Нирваны, чтобы очистить скверну. Если озеро это не станет предметом искания, то вина не в озере. Так же, когда существует благословенный путь, ведущий человека, связанного грехом, к спасению в Нирване, вина не в тропе, но в человеке, если тропа эта остаётся в стороне. И когда человек, отягощённый недугом, не воспользуется помощью врача, который может исцелить его, вина не во враче. Так же точно, когда человек, обуянный желанием

злых поступков, не ищет духовного руководства Озарения, вина будет не в этом освобождающем от грехов руководстве».

Царевич внимал мудрым словам и сказал: «Я знаю, что достигну цели, но отец говорит, что я ещё юн и пульс мой бьётся слишком полнокровно, чтобы вести жизнь шраманы».

Величавый Старец отвечал: «Ты должен знать, что для поисков Истины время всегда благоприятно».

Трепет радости пронизал сердце Сиддхартхи: «Именно теперь время искать Истину. Теперь время порвать все связи, которые могут воспрепятствовать мне достичь совершенного озарения».

Небесный Вестник выслушал с одобрением решение Сиддхартхи: «Иди, Сиддхартха, и исполни своё назначение. Ибо ты — Бодхисаттва, избранный Будда; тебе суждено просветить мир. Ты — Татхагата, Совершенный, ибо ты установишь Праведность и станешь Дхарма-раджей, царём Истины. Ты — Бхагаван, ты — Благословенный, ибо ты призван стать Спасителем и Искупителем мира.

Исполни совершенство Истины. И если даже молния обрушится на главу твою, не уступи прельщениям, уводящим людей с пути Истины. Как солнце, во все времена, следует своему пути и не ищет иного, так и ты не покинешь тропы Праведности, ты станешь Буддою.

Будь настойчив в исканиях твоих, и ты обретёшь, что ищешь. Следуй твоей цели неотступно, и ты победишь. Благословение всех богов, всех ищущих свет будет над тобою, и небесная мудрость направит твои шаги. Ты будешь Буддою, ты просветишь мир и спасёшь человечество от гибели».

Так сказав, Видение исчезло, а душа Сиддхарти была исполнена восторга. Он сказал себе: «Я пробудился для Истины и я решаю выполнить моё назначение. Я порву все связи, привязывающие меня к миру, и оставлю дом мой, чтобы найти путь спасения. Истинно, я стану Буддою».

Царевич вернулся во дворец, чтобы в последний раз взглянуть на тех, кого любил превыше всех земных сокровищ. Он направился в покои матери Рахулы и открыл дверь. Там горела лампа благовонного масла. На ложе, усыпанном жасми-

ном, спала Яшодхара, положив руку на голову сына. Стоя на пороге, Бодхисаттва смотрел на них, и сердце его разрывалось от тоски. Боль разлуки пронзила его. Но ничто не могло поколебать его решения, и мужественным сердцем подавил он свои чувства и оторвался от самого ему дорогого.

Его конь Кантхака был осёдлан, и, найдя ворота дворца широко открытыми, он направил коня в тишину ночи. Верный возница сопровождал его. Так царевич Сиддхартха отрёкся от земных наслаждений, отказался от своего царства, порвал все связи и вступил на путь бездомия.^{5,6}

До сих пор четыре места в Индии вызывают паломничество почитателей учения Будды.

Место рождения — Капилавасту; город этот, как уже было сказано, находился в Северной Индии, в предгорьях Гималаев, в верховьях реки Гандак, и был разрушен ещё при жизни Будды. Место озарения — Бодх-Гая, где находилась часто упоминаемая роща Урувела, под тенью которой Гаутама озарённо объединил все свои достижения. Место первой проповеди — Сарнатх (около Бенареса), где, по выражению предания, Будда пустил в ход колесо Закона. Место это до сих пор хранит развалины древнейших общежитий. Место смерти — Кушинагара (Непал).

В записках китайского путешественника Фа Сяня (392–414), посетившего Индию, мы встречаем описания развалин владений Капилавасту, а также и прочих почитаемых мест.

Несмотря на эти факты, несмотря на древние колонны царя Ашоки, находятся любители сделать из Будды миф и оторвать это высокое учение от жизни. Француз Сенар в особой книге утверждал, что Будда есть «солнечный миф». Но и тут наука восстановила человеческую личность Учителя Гаутамы Будды. Урна с частью золы и костей Будды, найденная в Пиправе в непальских тераях и датированная надписью, а также историческая урна с частью реликвий Учителя, положенная царём Канишкой и найденная около Пешавара, свидетельствуют определённо о смерти Первоучителя мировой общины, Гаутамы Будды.

Не нужно думать, что жизнь Гаутамы Будды протекала среди общего признания и спокойствия. Наоборот, сохранились данные, указывающие на клевету и всевозможные препятствия, на которых Учитель, как истинный борец, только укреплялся, тем увеличивая значение своего подвига. Многие данные говорят о той враждебности, которую он встречал среди аскетов и браминов, ненавидевших его. Первые — за порицание их изуверства, вторые — за отказ признать

их права на социальные преимущества и на знание истины по праву рождения.

Первым он говорит: «Если бы можно было достичь совершенства и освобождения от уз, связывающих человека к земле, только отказом от пищи и человеческих условий, то лошадь и корова давно достигли бы его».

Вторым — «По делам человек становится парией, по делам становится брамином. Огонь, зажжённый брамином, и огонь, зажжённый шудрой, одинаково имеют пламя, яркость и свет...». «К чему привела ваша отделённость? За хлебом вы идёте на общий базар и цените монеты из кошелья шудры. Ваша отделённость просто называется грабежом. И священные вещи ваши просто орудия обмана.

Имущество богатого брамина не есть ли поношение божественного закона? Вы считаете юг светом, а север — тьмою. Будет время, когда приду от полуночи, и ваш свет померкнет. Даже птицы летят на север, чтобы там принести миру птенцов. Даже серые гуси знают ценность имущества на земле. Но брамин пытается набить золотом пояс свой и набрать сокровища под

порогом дома. Брамин, ты ведёшь жалкую жизнь и конец твой будет жалким. Ты первый будешь подлежать уничтожению. Если уйду на север, то оттуда и вернусь». (Со слов устной традиции буддистов Индии.)

Известны случаи, когда, после произнесения им речей, огромное большинство слушателей покинуло его, и Благословенный сказал: «Зерно отделилось от мякины; оставшаяся община, сильная убеждением, учреждена. Хорошо, что эти гордецы удалились».

Вспомним эпизод, когда его ближайший ученик и родственник Девадатта задумал сбросить обломок скалы на проходившего Учителя и даже успел повредить ему палец.⁷

Вспомним жестокую судьбу, постигшую его племя и родину от мстительного царя. Легенды рассказывают, что Будда, находясь с любимым учеником Анандой далеко от города в момент нападения на его страну, почувствовал жесточайшую головную боль, лёг на землю и накрылся плащом, чтобы скрыть от единственного свидетеля скорбь, овладевшую его стоическим сердцем.

Также не был он лишён и физических страданий. Часто упоминаются испытываемые им жестокие боли в спине, и самая смерть его якобы произошла от недоброкачественной пищи. Все эти подробности делают его облик, истинно, человеческим и близким.

Слово *Будда* не есть имя, но означает состояние ума, достигшего высшей точки развития, в буквальном переводе — познавший, или тот, кто обладает совершенным знанием — мудростью.

Согласно палийским сутрам, Будда никогда не утверждал своего всезнания, которым наделили его ученики и последователи. «Те, кто сказали тебе, Вачча, что Учитель Гаутама знает всё, видит всё, утверждает своё обладание безграничной мощью провидения и знания и говорит: „Хожу ли я или недвижим, бодрствую или сплю, всегда и во всём присуще мне всезнание“, те люди не говорят, что я сказал, — они обвиняют меня, вопреки всякой истине».⁸

Силы, которыми обладает Будда, не чудесны, ибо чудо есть нарушение законов природы. Высшая мощь Будды вполне согласуется с вечным порядком вещей. Его сверхчеловеческие

способности «чудесны» постольку, поскольку деятельность человека должна казаться чудесной низшим существам. Подвижникам, борцам истинного знания так же естественно выявлять свои необычные способности, как птице летать и рыбе плавать.

«Будда, — согласно одному тексту, — есть лишь старший из людей, отличающийся от них не более, нежели первый вылупившийся цыплёнок от других цыплят одной наседки».⁹

Знание подняло его в другую категорию существ, ибо принцип дифференциации заключён в глубине сознания.

Особенно подчёркивается человечность Гаутамы Будды в древнейших писаниях, где встречаются выражения: «Гаутама Будда, этот совершеннейший из двуногих».

Палийские сутры содержат много ярких определений высоких качеств Гаутамы — Учителя, указавшего путь. Приведём некоторые из них: «Он начальник каравана, учредитель, учитель, несравненный воспитатель людей».² «Человечество катилось подобно колесу повозки по пути

к гибели, заблудившееся без проводника и покровителя. Он указал им верный путь».¹⁰

«Он Владыка колеса Благого Закона. Он Лев Закона».

«Он прекрасный целитель — сострадательными средствами он излечивает опасно больных людей».¹¹

«Почитаемый Гаутама — пахарь. Его пашня — бессмертие».¹²

«Он — свет мира. Подобно подымающему с земли, подобно раскрывающему что скрыто, подобно несущему в темноте светильник, чтобы имеющие глаза могли видеть, — так Гаутама осветил своё учение со всех сторон».

«Он — освободитель. Он освобождает, ибо сам был освобождён». Его нравственные и духовные совершенства свидетельствуют истину его учения, и мощь его воздействия на окружающих заключалась в примере его личного труда.

Древние писания всегда подчёркивают жизненность его учения. Гаутама не отворачивался от жизни, но проникал во все будни трудящихся. Искал расположить их к учению, предоста-

влял им участие в своих общинах, принимал их приглашения и не боялся посещений куртизанок и раджей, двух центров светской жизни в городах Индии. Старался не оскорблять понапрасну традиционных обычаев; мало того, он искал возможность дать им своё учение, находя опору в особо почитаемой традиции, не поступаясь при этом основными принципами.

Не было отвлечённости в его учении, он никогда не противопоставлял существующей реальности идеал жизни мистической и трансцендентальной. Он подчёркивал реальность существующих вещей и условий для данного времени. И так как его деятельность и мысль преимущественно вращались в кругу жизненных условий, то и содержание своих речей и притч он черпал из обыденной жизни, пользуясь самыми простыми образами и сравнениями.

Исходя из представления параллелизма между природой и человеческой жизнью, индийские мыслители полагают, что явления природы могут нам многое пояснить в проявлениях нашей жизни. Будда, принимая этот метод, счастливо

сохранил для своего учения опыт старой традиции. «Я сделаю тебе сравнение, ибо многие разумные люди поняли посредством сравнения» — такова была обычная формула Будды. И этот простой, жизненный подход сообщал его учению яркость и убедительность.

Влияние его на людей было пропорционально его вере в себя, в свои силы и в свою миссию. Всегда входил он в положение каждого ученика и слушателя, давая им самое необходимое и соображаясь с их пониманием. Не отягощал учеников и слушателей, не имевших необходимой подготовки к усвоению высшего знания, непосильным для них умственным процессом. Также не поощрял стремившихся к отвлечённому знанию и не применявших в жизни его высокоэтическое учение. Когда один из подобных вопрошателей, по имени Малункья, спросил однажды Благословенного о начале всех вещей — Благословенный хранил молчание, ибо он считал, что наиглавнейшая задача была в утверждении реальности окружающего нас, то есть видеть вещи, как они существуют вокруг нас, и

стараться прежде улучшить их, способствовать их эволюции и не тратить времени на интеллектуальные спекуляции.⁸

Несомненно, знание его превышало даваемое им Учение, но осторожность, подсказываемая великою мудростью, удерживала его от выдачи понятий, которые не могли быть усвоены сознанием слушателей и, по этой причине, могли стать разрушительными.

«Однажды Благословенный остановился в бамбуковой роще в Каушамби. Взяв пригоршню листьев, Благословенный спросил учеников:

— Как думаете, ученики мои, что больше: эта ли пригоршня листьев в моей руке или же листья, оставшиеся на деревьях этой рощи?

— Листья в руке Благословенного малочисленны; несравненно число листьев во всей роще.

— Истинно так, и то, что я познал и не поведал вам, гораздо больше того, что я передал вам. И почему, о ученики, не поведал я этого вам? Потому, что не было бы пользы вам от того, ибо оно не способствовало бы высшей жизни. Оно не ведёт к разочарованию в этом земном мире,

к уничтожению всякой чувственности, к прекращению желаний, к миру, к высшему знанию, к пробуждению, к Нирване. Потому я и не передал этого вам. Но что же поведал я вам? То, что является страданием, источником страдания, прекращением страдания, и указал путь, ведущий к прекращению страдания».¹³

И настолько учение его было индивидуально в каждом отдельном случае и практично, что установилась традиция трёх кругов учения: для избранных, для общинников и для всех.

Основывая свои общины, Будда стремился создать наилучшие условия для тех, кто твёрдо решил работать над расширением своего сознания для достижения высшего знания, и затем посылать их в жизнь учителями жизни и провозвестниками мировой общины.

Постоянный контроль поступков, слов и мысли, которого он требовал от своих учеников и без которого не может быть успеха на пути к совершенствованию, почти недоступен для находящихся в обычных условиях жизни, где тысячи внешних обстоятельств и мелких обя-

зательств постоянно отвлекают стремящегося к цели. Но жизнь среди людей, объединённых одним устремлением, общими мыслями и привычками, была великой помощью, ибо давала возможность без потери энергии развиваться в желаемом направлении.

Будда — учивший, что во всём мире существуют лишь корреляты, взаимоотношения; знавший, что *ничто не существует вне сотрудничества*; понимавший, что эгоистичный гордец не может строить будущее, ибо, в силу космического закона, он окажется вне потока жизни, несущего всё сущее к совершенствованию, — терпеливо закладывал зёрна, учреждая свои ячейки общинного начала, предвидя в далёком будущем осуществление великой Мировой Общины.

Два правила были необходимы для поступления в общину: полный отказ от личной собственности и нравственная чистота; остальные правила касались строгой самодисциплины и общинных обязанностей. Каждый вступающий в общину произносил формулу: «Прибегаю

к Будде, прибегаю к учению, прибегаю к общине, как к разрушителям моих страхов. Первый — своим учением, второе — своей непреложной истиной и третья — своим примером прекрасного закона, преподанного Буддою».

Сурово проводился отказ от собственности. Причём отказ от собственности нужно было выявить не столько внешне, сколько принять его сознанием.

Однажды ученик спросил Благословенного: «Как понять исполнение заповеди отказа от собственности? Один ученик покинул все вещи, но Учитель продолжал упрекать его в собственности. Другой остался в окружении вещей, но не заслужил упрёка».

«Чувство собственности измеряется не вещами, но мыслями. Можно иметь вещи и не быть собственником».

Будда постоянно советовал иметь возможно меньше вещей, чтобы не отдавать им слишком много времени.

Вся жизнь общины была строго дисциплинирована, ибо основой учения Будды была желез-

ная самодисциплина для обуздания беспорядочных чувств, мыслей и развития непоколебимой воли. И только когда ученик овладевал своими чувствованиями, только тогда Учитель приоткрывал завесу и давал задачу. Затем уже ученик постепенно допускался к глубинам знания. Из таких дисциплинированных и воспитанных на суровом отказе от всего личного, следовательно, мужественных и бесстрашных людей, хотел Гаутама Будда создать работников общего блага, творцов народного сознания и провозвестников Мировой Общины.

Мужество в учении Гаутамы было положено в основу всех достижений. «Нет истинного сострадания без мужества; без мужества нельзя достичь самодисциплины; терпение есть мужество; без мужества нельзя проникнуть в глубь истинного знания и обрести мудрость Архата». Гаутама требовал от своих учеников полного уничтожения страха. Заповедано бесстрашие мысли, бесстрашие действия. Само прозвище Гаутамы Будды — «Лев» и его личные призывы идти через все препятствия как носороги и

слоны показывают, какая глубина бесстрашия была заповедана им. И потому учение Гаутамы Будды можно, прежде всего, назвать учением бесстрашия.

Воины, воины, так зовём мы себя,
о ученики, ибо мы сражаемся.
Мы сражаемся за благородную доблесть,
за высокие стремления, за высшую
мудрость,
Потому зовём мы себя воинами.²

Согласно традиции, открытием «Цепи причинности» (двенадцать нидан) ознаменовалось достижение Гаутамою озарения. Проблема, мучившая его многие годы, нашла разрешение. Размышляя от причины к причине, Гаутама дошёл до источника зла.

12. Существование есть страдание, ибо в нём заключены старость, смерть и тысяча страданий.

11. Я страдаю, потому что я рождён.

10. Я рождён, потому что я принадлежу миру бытия.

9. Я рождаюсь, потому что я питаю в себе существование.

8. Я питаю их, ибо я имею желания.

7. У меня есть желание, ибо я имею чувствования.

6. Я чувствую, ибо я соприкасаюсь с внешним миром.

5. Это соприкосновение производится действием моих шести чувств.

4. Мои чувства проявляются, ибо, будучи индивидуальностью, я противопоставлю себя безличному.

3. Я индивидуальность, ибо я имею сознание, пропитанное сознанием этой личности.

2. Это сознание создано вследствие моих прежних существований.

1. Эти существования омрачили моё сознание, ибо я не знал.

Принято эту двенадцатичленную формулу перечислять в обратном порядке:

1. Авидья (омрачённость, невежество).

2. Санскара (карма).

3. Виджняна (сознание).

4. Нама-рупа (форма, чувственное и нечувственное).

5. Шад-аятана (шесть трансцендентальных основ чувств).

6. Спарша (соприкосновение).

7. Ведана (чувствование).

8. Тришна (жажда, вожделение).

9. Упадана (влечение, привязанности).
10. Бхава (бытие).
11. Джати (рождение).
12. Джара-марана (старость, смерть).

Итак, источник и первопричина всех бедствий человечества в омраченности, в невежестве. Отсюда яркие определения и осуждения Гаутамою именно невежества. Он утверждал, что невежество есть величайшее преступление, ибо оно является причиною всех человеческих страданий, заставляя нас ценить то, что недостойно быть ценным, страдать там, где не должно быть страдания, и, принимая иллюзии за реальность, проводить нашу жизнь в погоне за ничтожными ценностями, пренебрегая тем, что в действительности является наиболее ценным, — знанием тайны человеческого бытия и судьбы.

Свет, который мог рассеять эту тьму и избавить от страдания, был явлен Гаутамою Буддою как знание Четырёх благородных истин.

1. Страдания воплощённого бытия, проистекающие из постоянно возобновляющихся рождений и смертей.

2. Причина этих страданий в омраченности, в жажде самоудовлетворения в земных присвоениях, влекущих за собою непрекращаемость повторного, несовершенного бытия.

3. Прекращение страданий заключается в достижении состояния просветлённого вмещения и, тем самым, создании возможности сознательного приостановления кругов бытия на Земле.

4. Путь к прекращению этих страданий состоит в постепенном усилении элементов, направленных на совершенствование для уничтожения причин бытия на Земле, и в приближении к великой Истине.

Путь к этой истине разделён был Гаутамой на восемь ступеней:

1. Правильное распознавание (что касается закона причинности).
2. Правильное мышление.
3. Правильная речь.
4. Правильное действие.
5. Правильная жизнь.
6. Правильный труд.
7. Правильная бдительность и самодисциплина.
8. Правильное сосредоточение.

Человек, проводящий в жизни эти положения, освобождается от страданий земного бытия, являющихся следствием невежества, желаний и вожелений. Когда это освобождение осуществлено, достигается Нирвана.

Что есть Нирвана? «Нирвана есть качество вмещения всех действий, насыщенность объемлемости. Трепетом озарённости притекают истинные знания. Спокойствие есть лишь внешний признак, не выражающий сущности состояния». В современной понимании мы можем определить Нирвану как состояние совершенства всех элементов и энергий в индивидууме, достигших предела напряжения, положенного для данного космического цикла.

Гаутамай Буддой также указаны десять великих препятствий, названных оковами:

1. Иллюзия личности.
2. Сомнение.
3. Суеверие.
4. Телесные страсти.
5. Ненависть.
6. Привязанность к земле.
7. Желание наслаждения и успокоения.

8. Гордость.
9. Самодовольство.
10. Невежество.

Для достижения высшего знания необходимо порвать все эти оковы.

В буддизме разработаны до мельчайших деталей подразделения чувств и побуждений умственного процесса, как препятствий и способов развития для облегчения самопознания, путём тренировки ума и размышления над каждым предметом во всех деталях. Следуя этим путём самопознания, человек, в конечном результате, приходит к знанию истинной действительности, то есть видит истину, как она есть. Это есть метод, применяемый каждым мудрым учителем для развития умственных способностей ученика.

Проповедуя Четыре благородные истины и благородный Путь, Гаутама, с одной стороны, порицал физическое умерщвление плоти аскетами и распущенность чувств, с другой — указывал на Путь восьми ступеней как на путь гармонич-

зации чувств и достижения шести совершенств Архата: сострадания, нравственности, терпения, мужества, сосредоточения и мудрости.

Будда особенно настаивал на вмещении учениками понятия пар противоположений, или двух крайностей, ибо познание действительности достигается лишь путём сопоставления пар противоположений. Если ученик не мог осилить этого, Будда не приобщал его к дальнейшему знанию, ибо это было бы не только бесполезно, но даже вредно. Вмещение этого понятия облегчалось усвоением принципа относительности (майи).

Будда утверждал относительность всего сущего, указывая на вечные изменения в природе, на непостоянство всего в вечно стремящемся к совершенствованию потоке бытия беспредельного. Насколько он был верен этому принципу относительности, можно видеть из следующей притчи.

«Представьте себе, — сказал Благословенный однажды своим последователям, — человека, отправившегося в дальний путь, и который был

остановлен широким разливом воды. Ближайшая сторона этого потока была полна опасностей и угрожала ему гибелью, но дальняя была прочна и свободна от опасностей. Не было ни челна, чтобы переехать поток, ни моста, перекинутого на противоположный берег. И представьте себе, что этот человек сказал себе: „Истинно, стремителен и широк этот поток, и нет никаких средств, чтобы перебраться на другой берег (Нирвана). Но если я соберу достаточно тростника, ветвей и листьев и построю из них плот, то, поддерживаемый таким плотом и работая усердно руками и ногами, я переберусь в безопасности на противоположный берег“. Теперь предположим, что этот человек поступил согласно своему намерению и, построив плот, спустил его на воду и, работая ногами и руками, безопасно добрался до противоположного берега.

И вот, перебравшись и достигнув противоположного берега, предположим, что человек этот скажет себе: „Истинно, большую пользу сослужил мне этот плот, ибо с его помощью, работая руками и ногами, я безопасно перебрался на

этот берег. Что если я взвалю плот себе на голову или плечи и так продолжу мой путь?“

Сделав так, правильно ли поступит человек со своим плотом? Как думаете вы, ученики мои?

В чём же будет правильное отношение человека к его плоту?

Истинно, этот человек должен сказать себе: „Плот этот сослужил мне большую пользу, ибо, поддерживаемый им и работая ногами и руками, я безопасно достиг дальнего берега (Нирваны). Но что если я оставлю его на берегу и продолжу свой путь?“ — Истинно, этот человек поступил бы правильно по отношению к своему плоту.

Точно так же, о ученики, предлагаю и я вам моё Учение, именно как средство к освобождению и достижению, но не как постоянную ответственность. Усвойте эту аналогию Учения с плотом. Дхарма (учение) должна быть оставлена вами, когда вы переберётесь на берег Нирваны».⁸

Здесь мы видим, как мало значения придавалось Благословенным всему в этом мире относительности, иллюзии или майи. Именно всё, даже

учение самого Будды, рассматривалось как имеющее условную, преходящую и относительную ценность. Также в этой притче подчёркивается, что всё достигается лишь человеческими руками и ногами. Именно, учение будет действенным, лишь если личные усилия и личный труд будут положены.

Общины Будды давали приют самым разнообразным запросам и потому составлялись из самых различных элементов. В *Милинда-паньхе* мы встречаем следующие строки: «Какие причины заставляют поступать в общину?» — спросил однажды Милинда своего собеседника, буддийского учителя Нагасену. На этот вопрос мудрец ответил: «Одни сделались общинниками, чтобы избежать тирании царя; другие спасались от разбойников или же были обременены долгами, есть и такие, которые просто хотели обеспечить своё существование».¹⁴

Если некоторые люди, поступая в общину, искали социального и материального преимущества, то гораздо многочисленнее были истинные

социальные революционеры, стекавшиеся под широкий кров возможностей, которые давало им учение Будды, среди мрачной феодальной действительности того времени. В *Сутта-нипате* можно найти много суровых осуждений социальному построению и общественной нравственности того времени.

Община принимала всех без различия рас, каст, пола; и самые различные стремления и поиски новых путей находили в ней удовлетворение.

Общины Будды не были монастырями, и вступления в них не были посвящениями, ибо, по словам Учителя, лишь осознание учения делало из вошедшего буддиста нового человека и общинника.

В общине проводилось полное равенство всех членов. Один общинник отличался от другого лишь сроком своего вступления. При выборе старшего возраст не принимался в соображение. Старшинство не измерялось сединой. О том, у кого всё достоинство заключалось лишь в преклонном возрасте, говорилось, что он «тщетно

стар». Но «тот, в ком говорит справедливость, кто умеет владеть собою, кто мудр, тот есть старший».¹⁵

Будда не принуждал жить в тесном общежитии. С самого начала среди учеников были предпочитавшие жизнь в уединении. О таких, слишком уединяющихся, Будда говорил: «Одинокая жизнь в лесу полезна для того, кто следует ей, но она мало способствует благу людей».

Будда не хотел устанавливать слишком много правил, он стремился избежать педантичности и однообразия уставов, избежать сделать обязательными многие запрещения. Все правила стремились оградить и охранить полную самостоятельность ученика. Общинник обязан был соблюдать простоту и пристойность, но так как нет преимущества в том, чем питаться или во что одеться, то Будда предоставил ученикам известную свободу. Побуждаемые Девадаттою, несколько общинников просили Будду установить для учеников более строгую дисциплину и в питании запретить употребление мяса и рыбы. Будда отказал в этой просьбе, сказав, что каждый свободен применять эти меры на себе,

но нельзя вменять их в обязательство для всех. Та же терпимость в одежде, ибо недопустимо, чтобы свобода выродилась в привилегию для некоторых. Так, убедясь в мудрости почтенного Соны, и увидя его окровавленные ноги, Благословенный сказал ему: «Сона, ты был воспитан в утонченности, я приказываю тебе носить сандалии на подошве». Сона просил, чтобы это разрешение распространилось на всех, и Благословенный поспешил исполнить это желание.¹⁶

В текстах *Винаи* мы видим, как все правила общины, учреждённой Благословенным, всегда были подсказаны жизненной необходимостью. В *Винае* приводится трогательный эпизод, послуживший основанием новому правилу для общины.

Один бхикшу заболел расстройством кишечника и, обессиленный, упал и лежал на земле в своей грязи. Случилось, что Благословенный в сопровождении высокочтимого Ананды обходил кельи общинников; зайдя в келью больного бхикшу и увидя его в таком беспомощном состоянии, он подошёл к нему и спросил:

— Что с тобою, бхикшу, ты болен?

— Да, Владыка.

— Но разве нет никого, кто помог бы тебе?

— Нет, Владыка.

— Почему же остальные бхикшу не ухаживают за тобою?

— Потому, Владыка, что сейчас им нет никакой пользы от меня.

На это Благословенный обратился к Ананде: «Иди, Ананда, и принеси воды, мы умоем этого бхикшу».

«Да, Владыка», — ответил Ананда и принёс воды. Тогда Благословенный начал лить воду, а почитаемый Ананда умыл больного. После чего Благословенный взял больного под голову, почитаемый же Ананда за ноги, так подняли его и положили на постель.

В связи с этим случаем Благословенный созвал общинников и спросил их:

— Бхикшу, находится ли в такой-то келье больной общинник?

— Да, Владыка.

— Чем же болен этот бхикшу?

— Он болен расстройством кишечника, Владыка.

— Разве нет никого, кто присмотрел бы за ним?

— Нет, Владыка.

— Но почему же никто из бхикшу не помог ему? Бхикшу, вы не имеете ни отцов, ни матерей, которые могли бы ухаживать за вами. Если вы, бхикшу, не будете ухаживать друг за другом, то кто же поможет вам? Тот, кто хочет прислуживать мне, должен прислуживать больным.

«Кто имеет наставника, наставник должен ухаживать за ним, пока он не выздоровеет, и так же точно, если он имеет учителя или соученика в той же вихаре, или же ученика, живущего с ним. Если же он не имеет ни одного из поименованных, то вся община должна ухаживать за ним. И кто не исполнит сие, тот будет повинен в проступке против общины».¹⁶

Нелюбовь Учителя к установлению многочисленных, неподвижных правил, в особенности же запрещений, и желание сохранить жизненность общины ярко выражены в его последнем наставлении ученику Ананде: «Поручаю общине видоизменять правила малые и малейшие».⁴

Но многие слабые души счастливее, если их обязанности строго определены, отсюда увеличение правил и запрещений в позднейшем буддизме. Много легче подчиняться правилам, хотя бы даже и стеснительным, нежели проявлять личную сознательную энергию, которую требовал Учитель от своих учеников. Община Будды стремилась не обезличить своих членов, но дружелюбно спаять их единым устремлением на общее благо.

Община не желала сглаживать индивидуальные особенности, наоборот, Будда ценил каждую инициативу, каждое индивидуальное проявление, ибо в учении, которое утверждало, что каждый является своим творцом и освободителем и что необходимы совершенно личные усилия для достижения этой высокой цели, индивидуальное начало имело все данные для развития. «Избегайте ссор, утверждаясь в самом себе, не исключая других» — было принято за правило в общине.

И так мало боялся буддизм индивидуальных проявлений, что часто вдохновенные слова одного из членов общины принимались и станови-

лись каноническими наравне с утверждениями самого Благословенного.

Суровая дисциплина, постоянная бдительность над мыслями, словами и поступками делали общину школою, столько же воспитательной, как и образовательной. Учитель, утвердивший знание единственной возможностью освобождения от оков земли, а невежество самым тяжким преступлением, заповедал всем идти путём знания.

Наряду с осуждением невежества, мы встречаем столь же суровое осуждение и нерадивости:

«Глупец, невежда — наибольшие враги самим себе, ибо они совершают злые поступки, приносящие горькие плоды».

«Глупец может быть спутником мудрого в течение всей своей жизни, и всё же он останется в неведении Истины, подобно тому как ложка не знает вкуса похлёбки».

«Длинна ночь для сторожа, длинен путь усталому. Длинно вращение колеса жизней и смертей для глупцов, не знающих Истины».¹⁵

Особенно часто указывал он людям семейным учить детей своих всем наукам и искусствам

и тем способствовать росту и расширению их сознания. Также постоянно указывал он на насущную необходимость путешествий. Он видел в этом истинную просветительную цель, ибо путешествия, отрывая человека от обычных условий, развивают в нём подвижность, находчивость и приспособляемость — качества, необходимые для подготовки процесса расширения сознания.

Учение Благословенного настаивало на достоверности, но нет в нём догм, которые предлагались бы на веру, ибо Учитель, утверждая во всём знание, не видел пользы в слепой вере для развития сознания. «Поэтому я учил вас, — говорил Будда, — не верить только потому, что вы слышали, но только тогда, когда это проверено и принято вашим сознанием».

В беседе с одним молодым брамином Благословенный указал, каким образом достойный ученик доходит до овладения истиной. «Когда, после зрелого обсуждения, ученик признал, что данный человек совершенно свободен от возможности заблуждений, он верит этому человеку. Приближаясь к нему с доверием, он стано-

вится его учеником. Став его учеником, он открывает ухо. Открыв ухо, он слышит учение. Услышав учение, он удерживает его в уме. Он обсуждает смысл истин, им удержанных. Он размышляет над ними. Отсюда рождается его решимость. Что он решил, то он и предпринял. Он оценивает значение предпринятого. Оценив, он прилагает все усилия. Приложенными усилиями он приближается к истине. Проникая в глубь её, он видит. Но всё это лишь признание истины, но не овладение ею. Чтобы вполне овладеть ею, нужно применять, растить и неустанно повторять этот психологический процесс».⁸

Из этой беседы ясно, насколько ученик был свободен обсуждать преподаваемое ему учение, и что лишь самостоятельными усилиями достигается познание и овладение истиной.

Учение Будды, как учение истины, покрывало все бывшие до него великие учения, и потому, подчёркивая их истинность, оно изгоняло отрицание. Изгоняя отрицание, учение никого не порабощало. Осознание великого принципа общины открывало все пути.

В общинах Будды допускался отказ, но лично осознанный; но отрицание приравнялось к невежеству. У общины Будды можно было отказаться от мелких соображений, но отрицание равнялось выходу из общины. Было принято никогда не помянуть выбывшего — община должна была жить будущим. К тому же часто выбывший возвращался, тогда возвращение не сопровождалось никакими вопросами, кроме одного: «Не отрицаешь?»

В начале учения дисциплина касалась главным образом очищения сердца и ума от предрассудков и дурных свойств. По мере успешности учение переносилось на расширение сознания.

Трудно подняться человеку, если он не прошёл суровый путь очищения. «Если материя загрязнена, то сколько бы красильщик ни погружал её в синюю, жёлтую, красную или лиловую краску, цвет её будет некрасивым и нечистым — почему? Вследствие загрязнённости материи. Если сердце нечисто, нужно ожидать такой же грустный результат».

«Я говорю —недостаточно носить плащ, чтобы быть подвижником. Недостаточно быть голым, покрытым грязью, обрызганным водою, сидеть под деревом, жить в одиночестве, стоять в одном положении, морить себя голодом, повторять мантры и заплетать волосы».⁸

«Человек не нищий потому только, что он питается подаванием».¹⁵

«Человек не аскет потому только, что он живёт в лесу».¹⁰

«Недостойн жёлтого одеяния, кто носит его, будучи нечист и неискренен в поступках, невежествен и не победившим самого себя».¹⁵

«Из трёх видов действий, — говорил Будда, — наиболее губительное не слово, не телесный поступок, но мысль».⁸ С момента возникновения решения зла, человек уже виновен, — выявлено ли оно или нет.

«Главный элемент во всём есть мысль. Превыше всего — мысль. Всё совершается мыслью. Если человек говорит или действует со злобною мыслью, страдание сопутствует ему, как колесо следует за копытом животного, которое тащит повозку».

«Если человек говорит или действует с благою мыслью, счастье следует за ним, как никогда не покидающая его тень».

«Враг наносит зло врагу, ненавидящий ненавидящему, но хуже всего зло, нанесённое ложно направленным умом».¹⁵

Также и бдительность над своими мыслями особенно настойчиво указывалась Учителем, ибо если ученик, слишком уверенный в достигнутых им результатах, ослабит свою бдительность, он дорого заплатит за малейшее упущение. Этот совет преподан притчей: «Человек был ранен отравленной стрелой. Лекарь, вынув стрелу, предписал раненому внимательно следить за раной. Но больной вообразил, что ему более нечего опасаться. Лишённая ухода, рана воспалилась и причинила смерть или тяжкие страдания».⁸

«Бдительность есть путь к бессмертию. Нерадивость — путь к смерти. Те, кто бдительны, не умирают. Те, кто нерадивы, уподобляются мёртвым».

«Тот, кто непостоянен в мыслях, кто не ведаёт истинного закона, кто шаток в доверии, тот не познает полноту мудрости».

«Как лучник выпрямляет свою стрелу, так мудрый человек выправляет свой изменчивый и шаткий ум, который трудно охранить, которым трудно руководить».

«Как дождь протекает в дом через плохо крытую крышу, так и вождление проникает в плохо обузданный ум».

«Большие и малые оковы у бхикшу, любящего бдительность и страшщегося нерадивости, — сожжены. Он движется подобно огню».¹⁵

Указывая, как безумно, с точки зрения полезности, уступать низким наклонностям, Будда говорил: «Чувство, ради которого вы унизили себя, скоро будет для вас лишь воспоминанием, подобно удовольствию, испытанному во сне. Но то, что останется постоянным живым укором, это поступок, содеянный ради этого удовольствия».

«Чистая нравственность как надутый кожаный мешок, повреди её однажды — погибнет. Подобно тому, если однажды удовлетворить порочные наклонности, уже ничто не остановит стремление страстей, и человек, предоставленный самому себе, безвозвратно погибнет».

«Орошатели отводят воду, куда хотят; лучники выправляют стрелу; плотники сгибают дерево по своему усмотрению; мудрые гнут себя самих».¹⁵

В писаниях не встречаем никакого различия между членами общины: общественные деятели, семейные, безбрачные, и мужчины и женщины — все одинаково могут воспринять преподаваемую им истину.

Приём в общину не сопровождался никакими обетами. Приходящий лишь приносил готовность служить учению. Когда же эта готовность исчезала, ничто не связывало его оставаться в общине. Выход из общины был так же прост, как и приём. Многочисленны примеры людей, оставивших общину и возвращавшихся позднее.

Нельзя было исключать члена общины только потому, что кто-то не был согласен с ним в оценке его поступка. Изгнать его означало дать свободу потоку ярых слов и разъединению в общине. «Общинник не будет доносить то, что он слышал на разъединение других, но будет сближать их, произнося лишь слова согласия».¹⁷

«Никогда ненависть не уничтожалась ненавистью, лишь доброта прекращала её, таков вечный закон».

«Он оскорбил меня, он отяготил меня, он злоупотребил своею силою, он обокрал меня; в тех, кто питает подобные мысли, гнев никогда не будет утишен».

«Если человек обсуждает недостатки ближних и всегда склонен к обидам, его собственные страсти будут расти, и он далёк от уничтожения страстей».¹⁵

«Есть такие, которые не знают о необходимости самообуздания; если они сварливы, мы можем извинить их поведение. Но те, кто знает, должны научиться жить в согласии».

«Если человек найдёт мудрого друга, ведущего праведную жизнь, постоянного по природе своей, он может жить при нём счастливый и заботливый, преодолевая все опасности. Но с глупцами не может быть дружбы».

«Лучше человеку быть одному, чем жить с людьми, преисполненными самости, тщеславия, упрямства и преданными спорам».¹⁸

Руководствуясь целесообразностью во всём, Будда не стремился к систематизации учения, он хотел, чтобы каждое положение его учения действовало как можно сильнее на волю ученика. Имея целью лишь рост и развитие сознания, он в остальном предоставлял свободу мысли и действия. Будда назначал каждому индивидуальную дисциплину.

«Как Будда избирал учеников на подвиг? Среди занятий, когда утомление уже овладевало учениками, Будда предлагал самый неожиданный вопрос и ждал скорейшего ответа.

Или, поставив самый простой предмет, предлагал описать его не более чем тремя словами или не менее чем сотнею страниц.

Или, поставив ученика перед запертою дверью, спрашивал: „Чем откроешь её?“

Или посылал музыкантов под окно и заставлял петь гимны, совершенно противоположных содержаниям.

Или, заметив докучливую муху, предлагал ученику повторить слова, неожиданно сказанные.

Или, проходя перед учеником, спрашивал: „Сколько раз прошёл?“

Или, заметив боязнь перед животными или перед явлениями природы, ставил условием побороть её.

Так мощный Лев закалял клинок духа.

«Также не следует забыть любимую игру Будды с учениками в минуту отдыха, когда Учитель бросал в пространство одно слово, по которому ученики строили целую мысль. Нет более мудрого испытания состояния сознания». (Записано со слов устной традиции индийского буддизма.)

Будда, истинным знанием, твёрдым осознанием изменяемости всего существующего, закалял своих учеников; вооружая их мужеством, терпением и состраданием, готовил истинных борцов общего блага.

В древнейших писаниях особенно многочисленны примеры полного презрения к тому, что делает жизнь лёгкой и условно приятной.

«Отказ от всего личного рождает чувство истинной свободы, от свободы рождается радость, от радости — удовлетворение, от удовлетворения — чувство покоя и счастья».

Будда нашёл путь к сердцам людей не путём чудес, но практическим учением улучшения

жизни каждого дня и личным примером великого сотрудничества.

И так велика была его терпимость и желание тесного сотрудничества с людьми, что он никогда не говорил против обрядов их или верований. «Почитай свою веру и не хули веру других» — одна из аксиом буддизма. Во всех случаях он не обращал внимания на внешние формы и стремился дать лишь более широкое понимание их внутреннего смысла, объясняя всё с новой точки зрения.

«Однажды Благословенный, на пути к бамбуковой роще, вблизи Раджагрихи, где он пребывал тогда с учениками, повстречал одного домохозяина по имени Шригала, который, в мокрой одежде, с распущенными волосами и со сложенными руками, кланялся на все четыре стороны света, а также по направлению к зениту и к надире. Благословенный, зная, что он исполнял обряд, по традиционному религиозному суеверию долженствующий отвратить несчастья от его дома, спросил Шригалу: „Почему совершаешь ты этот странный обряд?“

Шригала ответил: „Ты считаешь странным, что я охраняю мой дом от влияния злых духов? Я знаю, что Ты, о Гаутама Шакьямуни, кого люди называют Татхагатой, Благословенным Буддой, считаешь, что вызывания бесполезны и не обладают никакою спасительною силою. Но выслушай меня и узнай, что, совершая этот обряд, я почитаю, уважаю и исполняю завет моего отца“.

Тогда Татхагата сказал: „Ты поступаешь хорошо, что почитаешь и уважаешь завет твоего отца; и твой долг — охранять твой дом, твою жену, твоих детей и детей твоих детей от пагубных влияний злобных духов. Я не вижу ничего плохого в совершении обряда, завещанного твоим отцом. Но я вижу, что ты не понимаешь обряда. Позволь Татхагате, который сейчас говорит с тобою как духовный отец и кто любит тебя не меньше, чем любили тебя твои родители, позволь ему объяснить тебе смысл этих шести направлений.

Чтобы охранить твой дом, этих обрядов недостаточно. Ты должен охранить его добрыми поступками по отношению к окружающим людям.

Обратись к твоим родителям на восток, к твоим Учителям на юг, к твоей жене и детям на запад и к твоим друзьям на север, и точно установи зенит твоих благочестивых почитаний и надир отношений к твоим слугам.

Такого благочестия хочет твой отец от тебя. Пусть совершение обряда напомнит тебе о твоих обязанностях“.

И Шригала посмотрел на Благословенного с великим почитанием, как на своего отца, и сказал: „Истинно, Гаутама, Ты Будда, Благословенный и Святой Учитель. Я никогда не понимал, что я делал, но теперь я знаю. Ты мне открыл истину, которая была сокрыта, как тот, кто приносит лампаду в темноту. Прибегаю к Тебе, Благословенному Учителю, достигшему озарения, прибегаю к Истине, дающей просветление, прибегаю к убежищу братьев“». ¹⁸

С самого начала своей наставнической деятельности он убедился, насколько сказанное к месту и ко времени слово убедительней всяких чудес для психического воздействия на человека и обновления его. Он строго завещал своим ученикам не обнаруживать приобретённых ими способностей «чудесных» сил перед теми, кто

не знаком с принципами, заложенными в них. Помимо того, подобные выявления вредны для самого обладателя, вздёргивая его над окружающими и порождая в нём гордость.

Принятый ученик не должен был похваляться сверхчеловеческим совершенством. Ученик, который с дурным намерением и толкаемый корыстолюбием похвалялся сверхчеловеческим совершенством, будь то небесные видения или чудеса, не мог оставаться в числе учеников Шакьямуни. «Я запрещаю вам, о бхикшу, пользоваться какими бы то ни было чарами и вызываниями, они бесполезны, ибо карма управляет всем. Тот, кто стремится совершать чудеса, тот не понял учение Татхагаты».¹⁸

Слово и мощь убеждения были единственным оружием, применяемым Учителем для воздействия на окружающих. Никогда и нигде не встречаем мы гнева или даже возмущения, но лишь суровое утверждение истины. «Благословенный совершенен в вежливости своей речи», — указывает ученик Шарипутра.¹⁴

«Подобно тому, как земля без отвращения и удовольствия терпеливо переносит все вещи, чистые и нечистые, бросаемые на неё, подобно

Будда, не будучи затронут, переносит почёт и презрение людей... Подобно воде, очищающей и освежающей без различия всех людей, будут ли они справедливы или злы, Будда отдаёт своё сострадание врагам и друзьям».⁶

Многочисленны посещения и беседы Будды со своими слушателями о том, что их непосредственно касается, и всесторонние обсуждения их обязанностей по отношению к семье и обществу. Его отличие от других учителей и величайшая заслуга в том, что он, рассматривая долг человека с точки зрения жизненной полезности, старался приложить утончённые и возвышенные чувства к практической жизни.

Эта практическая сторона учения прекрасно выражена в ответе Благословенного, данном им Анатхапиндике, человеку несметного богатства, прозванному «покровителем сирот и другом бедных», который пришёл к нему за советом.

Услышав, что Будда остановился в бамбуковой роще вблизи Раджагрихи, Анатхапиндика немедленно, в ту же ночь, отправился к нему. Благословенный тотчас же прозрел чистоту сердца Анатхапиндики и приветствовал его благостными словами.

Анатхапиндика сказал: «Я вижу, что Ты — Будда, Благословенный, и хочу открыть Тебе моё сердце. Выслушав меня, посоветуй, как мне поступить. Моя жизнь полна трудов, и я приобрёл большое богатство, я окружён заботами. Тем не менее, я люблю своё дело и прилежу ему со всем усердием моим. Много людей работают в моём деле, и благосостояние их зависит от успеха моих предприятий.

Но я услышал, как Твои ученики восхваляют блаженство и радость жизни отшельника и осуждают суету мирскую. „Благословенный, — говорят они, — отказался от своего царства и своего достояния и нашёл путь праведный, и тем подал пример всему миру, как достичь Нирваны“.

Сердце моё жаждет поступать справедливо и стать благословением для моих ближних. Потому я хочу спросить Тебя, должен ли я отказаться от моего богатства и моих дел и, подобно Тебе, избрать бездомие, чтобы достичь блаженства праведной жизни?»

И Будда отвечал: «Блаженство праведной жизни достигается каждым, кто следует благородному Пути восьми ступеней. Тот, кто привязан к богатству, пусть лучше оставит его, нежели

позволит отравить им своё сердце; но тот, кто не привязан к нему и кто, обладая им, праведно употребляет его, будет благословением своим ближним.

Я говорю тебе, сохрани своё положение в жизни и ещё усерднее приложи своё умение к делам твоим. Не жизнь, и не богатство, и не власть делают из человека раба, но лишь его привязанность к жизни, богатству и власти.

Бхикшу, уходящий из мира, чтобы вести жизнь беззаботную и бездеятельную, ничего не достигает. Ибо жизнь в лени есть отвращение, и немощь силы должна быть презираема. Учение Татхагаты не требует, чтобы человек непременно избрал бездомие или же отрёкся от мира, конечно, если только он не чувствует к этому призвания. Но Дхарма Татхагаты требует, чтобы каждый человек освободился от иллюзии самости, очистил своё сознание, и отказался от жажды к наслаждениям, и вёл праведную жизнь.

И что бы человек ни делал — будет ли он ремесленником, купцом или воином, или удалится из мира и посвятит себя молитвенному созерцанию, — пусть он вложит всё своё сердце

и прилежание в свою работу, пусть он будет усердным и деятельным. И если он будет как лотос, который растёт в воде и, тем не менее, остаётся нетронутым ею, если он будет биться в жизни, не питая зависти и ненависти, если он будет вести жизнь не для услаждения самости, но лишь для истины, тогда радость, мир и благодать, несомненно, пребудут в сознании его».¹⁸

Столь же жизненны и практичны прекрасные ответы Благословенного на вопросы воина по имени Синха.

«В то время многие видные горожане сошлись в зале собраний и всячески восхваляли Будду, Дхарму и Общину. Среди них был и Синха, главнокомандующий, последователь секты ниргрантха. И Синха подумал: „Воистину, должно быть Благословенный — Будда, Святой. Пойду и встречу с ним“.

И Синха, генерал, направился туда, где находился глава ниргрантхов Джнятапутра, и, обратившись к нему, сказал: „Владыка, я хочу посетить шраману Гаутаму“.

Джнятапутра ответил: „О Синха, ты ведь веришь в то, что всякое действие имеет послед-

ствия, отвечающие нравственным достоинствам этого действия. Зачем же тебе посещать шрамана Гаутаму, который отрицает последствия действий? Шрамана Гаутамы, о Синха, отрицает последствия действий; он учит доктрине недеяния; и в этом учении он наставляет своих последователей“.

Тогда желание посетить Благословенного, возникшее у Синхи, генерала, стихло.

Услышав вновь восхваления Будде, Дхарме и Общине, Синха обратился к главе ниргрантхов во второй раз; и опять Джнятапутра отговорил его.

Когда генерал в третий раз услышал, как видные горожане превозносят достоинства Будды, Дхармы и Общины, он подумал: «Воистину, должно быть шрамана Гаутамы — Святой Будда. Что мне ниргрантхи и их согласие или несогласие? Пойду, не испрашивая их разрешения, и встречу с ним, Благословенным, Святым Буддой“.

И Синха, генерал, обратился к Благословенному со словами: „Я слышал, Владыка, что шрамана Гаутамы отрицает последствия действий, учит доктрине недеяния и говорит, что действия

живых существ не получают своего воздаяния, ибо он учит уничтожению и презренности всего сущего; и в этой доктрине он наставляет своих последователей. Учишь ли ты уничтожению души и постепенному сжиганию человеческого существа? Прошу, скажи мне, Владыка: те, кто утверждают это, говорят ли они истину или же свидетельствуют ложно против Благословенного, выдавая поддельное учение за твоё?”

И Благословенный отвечал: „В некотором смысле, Синха, те, кто говорят это, утверждают истину обо мне; с другой стороны, Синха, и те, кто говорят противное, также утверждают обо мне истину. Выслушай, и я поясню тебе.

Я учу, Синха, несовершению таких действий, которые несправедливы, в поступках, в словах либо в мыслях; я учу непроявлению всех тех состояний души, которые несут зло и дурны. Однако я учу, Синха, совершению таких действий, которые справедливы, в поступках, в словах и в мыслях; я учу проявлению всех тех состояний души, которые благо и не несут зла.

Я учу, Синха, что все состояния души, которые несут зло и дурны, и несправедливые действия

в поступках, в словах или в мыслях — должны быть постепенно сожжены. Тот, кто освобо­дился, Синха, от всех состояний души, которые несут зло и дурны, тот, кто уничтожил их по­добно пальме, вырванной с корнем, так что они не могут возникнуть вновь, — такой человек за­вершил искоренение своего я.

Я провозглашаю, Синха, уничтожение само­сти, вожделения, недоброжелательства, заблуж­дения. Однако я не провозглашаю уничтожение воздержанности, любви, милосердия и истины.

Я считаю, Синха, несправедливые действия пре­зренными, совершаются ли они в поступках, в словах или в мыслях; однако я считаю добро­детель и праведность достойными похвалы“.

И Синха сказал: „Ещё одно сомнение оста­лось у меня насчёт учения Благословенного. Не согласится ли Благословенный рассеять его, чтобы я понял Дхарму так, как учит ей Благо­словенный?“

Татхагата отвечал согласием, и Синха продол­жал: „Я солдат, о Благословенный, и царь поста­вил меня следить за соблюдением его законов и вести войны. Допускает ли Татхагата, который

учит безграничной доброте и состраданию ко всем страждущим, наказание преступников? И ещё, провозглашает ли Татхагата неправильным идти на войну для защиты своего дома, жены, детей и своей собственности? Учит ли Татхагата доктрине полного самоотказа: должен ли я позволять злодею делать всё, что ему вздумается, и покорно уступать всякому, кто угрожает силой взять принадлежащее мне? Утверждает ли Татхагата, что всякая борьба, включая и войны, ведущиеся за правое дело, должна быть запрещена?“

Будда отвечал: „Кто заслуживает наказания, должен быть наказан, и тех, кто достоин поощрения, следует поощрять. В то же время Татхагата учит не причинять вреда никаким живым существам, но быть исполненным любви и доброты. Эти заповеди не противоречат друг другу, ибо тот, кто должен быть наказан за совершённые им же преступления, пострадает не из-за недоброжелательства судьи, но вследствие своего злодеяния. Собственные поступки навлекли на него то, что налагает служитель закона. Судья, вынося приговор, пусть не питает

ненависти в своей душе, чтобы даже убийца, отправляемый на казнь, считал, что это — плод его собственного поступка. Как только он поймёт, что наказание очистит его душу, он не станет более сетовать на судьбу, но возрадуется ей“.

И Благословенный продолжал: „Татхагата учит, что любая война, в которой человек стремится убить своего брата, прискорбна; но он не учит, что тот, кто идёт на войну за правое дело, исчерпав все средства к сохранению мира, заслуживает порицания. Порицаем должен быть тот, кто вызвал войну.

Татхагата учит полному отказу от себя, но он не учит отказу от чего-либо в пользу сил, представляющих зло, — будь то люди, боги или стихии. Борьба неизбежна, ибо вся жизнь есть борьба. Но тот, кто ведёт борьбу, должен следить, чтобы не сражаться за личные интересы против истины и справедливости.

Сражающийся за личные интересы, дабы стать великим, могущественным, богатым или знаменитым, не получит воздаяния; но тот, кто борется за справедливость и истину, обретёт великое воздаяние, ибо даже его поражение будет победой.

Я — неподходящий сосуд для вмещения сколь-нибудь значительного успеха; я мало и хрупко, и его содержимое вскоре разойдётся во благо, а возможно, и на пагубу другим.

Истина же достаточно велика, чтобы вместить сильные желания и стремления всех я; и когда эти я лопнут, как мыльный пузырь, содержимое их будет сохранено, и в истине будут жить они жизнью вечной.

Идущий в бой, о Синха, даже и за правое дело, должен быть готов к тому, что падёт от руки врага, ибо таков удел воина; и если рок достигнет его, ему не на что роптать.

Но одерживающий победы должен помнить о непрочности всего земного. Его успех может быть велик, но сколь бы большим он ни был, колесо судьбы может опять повернуться и низвергнуть победителя во прах.

Если же он сдержит себя и, угасив всякую ненависть в своём сердце, подымет поверженного противника и скажет ему: „Довольно, давай заключим мир и станем братьями“, он одержит победу, которая не есть преходящий успех, ибо плоды её пребудут вовеки.

Велик генерал, увенчанный успехами, о Синха, но ещё больший победитель тот, кто победил себя.

Учение об обуздании себя, о Синха, даётся не для уничтожения человеческой души, но ради сохранения её. Тот, кто победил себя, более способен преуспевать и одерживать в жизни победы, нежели раб самого себя.

Тот, чей ум свободен от иллюзии самости, выстоит и не падёт в сражении жизни.

Устремлённого к праведности и справедливости не может постичь неудача; он будет успешен в своих начинаниях, и успех его будет прочен.

Тот, кто взрастил в своём сердце любовь к истине, будет жить и не умрёт, ибо он испил напиток бессмертия.

Потому сражайся мужественно, о генерал, и борись за свои убеждения со всею решимостью; но будь солдатом истины — и Татхагата благословит тебя“.

Когда Благословенный произнёс это, Синха, генерал, воскликнул: „Достославный Владыка, достославный Владыка! Ты раскрыл истину. Прекрасно учение Благословенного. Ты действитель-

но Будда, Татхагата, Святой. Ты — учитель человечества. Ты указываешь нам путь к спасению, ибо это действительно истинное освобождение. Тот, кто следует за Тобой, не может не обрести свет, который озарит его путь. Он обретёт счастье и мир. Прибегаю, о Владыка, к Благословенному, к его учению и к его братству. Да примет меня Благословенный отныне и пока длится моя жизнь последователем, принявшим прибежище в нём“.

И Благословенный сказал: „Обдумай прежде, Синха, свои действия. Человеку, занимающему такое положение, как ты, не подобает делать что-либо без должного обдумывания“.

Вера Синхи в Благословенного ещё возросла. Он отвечал: „Если бы другим учителям, Владыка, удалось обратить меня в своего последователя, то они раструбили бы об этом по всему городу Вайшали, крича: „Синха, генерал, стал нашим последователем!“ Во второй раз, Владыка, я прибегаю к Благословенному, к Дхарме и к Общине; да примет меня Благословенный отныне и пока длится моя жизнь последователем, принявшим прибежище в нём“.

И сказал Благословенный: „Долгое время, Синха, в доме твоём делались подношения членам секты ниргрантхов. Потому следует тебе почитать правильным и впредь подавать им пищу, когда они зайдут в твой дом за подаением“.

И сердце Синхи преисполнилось радостью. Он сказал: „Меня уверяли, Владыка, что шрамана Гаутама говорит: „Только мне, и никому иному, должны подноситься дары. Только мои ученики, и ничьи другие, должны получать подношения“. А Благословенный призывает меня к подаениям и для ниргрантхов. Хорошо, Владыка, всему своё время. В третий раз, Владыка, я прибегаю к Благословенному, к его Дхарме и к его братству“». ¹⁸

Так всегда и во всём Будда руководился великою целесообразностью. «Какое преимущество могло бы дать вам небо? Вы должны быть победителями здесь, в этом мире, в том состоянии, как вы сейчас». ¹⁴

Однажды большой спорщик старался поставить Будду в тупик, задавая ему двусмысленные вопросы. Будда перестал заниматься им и сказал,

обращаясь к толпе, окружавшей его: «Этот человек не хочет того, что он видит. Того, что не видит, ищет он. Думаю, он долго будет тщетно искать. Он не удовлетворится тем, что видит вокруг себя, и его желания безграничны. Благо отказавшимся от желаний».

Учение Будды утверждалось как правило жизни, ибо проникновение в жизнь каждого дня высокого и целесообразного учения отметило новую эру в жизни человечества. Прежние запреты и отрицания были заменены учением положительным и практическим, благодаря этому нравственность сильно поднялась.

Заповедано было удерживаться от всего отрицательного и всю энергию способствовать положительному и прекрасному.

Самоубийство было особенно сильно запрещено Буддой, так же как и отнятие всякой жизни. «Всё дрожит перед наказанием, всё страшится смерти. Судя о других по себе, не убивай сам и не будь причиной убийства».¹⁵

«Бхикшу воздерживается от всякого отнятия жизни. Он избегает отнятия жизни всякой

твари. Откладывая в сторону дубинку и меч, он кроток и милосерден, добр и полон сострадания ко всему живущему». ¹⁷

Запрещалось употребление спиртных напитков и спаивание других, ибо опьянение ведёт к падению, преступлению, сумасшествию и невежеству, которое является главной причиной нового тяжкого существования. Также указывалась необходимость совершенной чистоты для достижения полного духовного развития. Но иметь одну жену и верность ей рассматривалось как один из видов целомудрия. Полигамия была сурово порицаема Гаутамою Буддою, как порождение невежества.

Учение о священных узах брака прекрасно изложено Благословенным в притче «Свадебный праздник в Джамбунаде».

«Величайшее счастье, какое только может представить смертный, — это брачные узы, связующие два любящих сердца. Но есть ещё большее счастье: это объятие истины. Смерть разлучит мужа с женой, но смерть никогда не поразит того, кто предал себя истине.

Потому соедините свою судьбу с истиной и живите с ней в святом браке. Муж, любящий свою жену и мечтающий, чтобы союз их длился вечно, должен быть верен ей, как сама истина; и она будет уверена в нём, будет чтить его и помогать ему. И жена, любящая своего мужа и мечтающая, чтобы союз их длился вечно, должна быть верна ему, как сама истина; и он будет доверять ей, он будет почитать её, он будет всем обеспечивать её. Воистину говорю вам, брак их будет сама святость и блаженство, и дети их будут подобны своим родителям и станут свидетелями их счастья.

Пусть никто не будет одинок, пусть каждый соединится в святой любви с истиной. И когда Мара, разрушитель, придёт отделить видимые формы вашего существа, вы продолжите жить в истине и приобщитесь жизни вечной, ибо истина бессмертна».¹⁸

Учение Будды сделало для раскрепощения и счастья женщины больше, нежели все другие учения Индии. Женщина, говорил Гаутама, может достичь высшей степени знания, которое открыто мужчине, то есть стать Архатом.⁷

«Освобождение, которое вне форм, не может зависеть от пола, принадлежащего миру форм». Женщины часто играли большую роль в общинах, и многие из них были замечательны своим знанием и устремлением.

Приводим ответ ученицы Сомы на вопрос: «Условие, которое трудно достижимо мудрецами, — каким образом может достичь его женщина с её ограниченным умом?» — «Когда сердце совершенно успокоено, когда сознание раскрывается и когда видишь истину. Но если кто подумает: я женщина, или я мужчина, или я то, или я другое, — пусть Мара занимается им».¹³

«Врата бессмертия открыты всем существам. У кого есть уши, пусть приходит, слушает Учение — и верит».^{8, 16}

Будда указывал на нелепость предрассудка, приписывающего словам возрастающую авторитетность вследствие повторения их растущим числом учёных. Истинный учёный тот, кто осознал совершенство познания, а не тот, кто борется формулы, уже многократно отброшенные до него.

«Я говорю моим ученикам: „Вот Нирвана, вот путь к ней“. Наставленные мною, из них небольшое число достигает, другие нет. Что могу я? Благословенный есть лишь указатель пути».⁸

Ни один человек не может спасти своего близкого. «Зло, содеянное человеком, пятнает лишь его самого. Зло, избегнутое им, не коснулось лишь его. Чист и не чист каждый лишь для себя. Человек не может очистить другого».¹⁵

Выздоровление возможно лишь посредством внутреннего процесса работы над собою. Потому Будда не признавал никакой действенной силы

за формулами, которые словесно передаются из поколения в поколение, «подобно корзине, переходящей из рук в руки».⁸

Будда, отрицая существование личного Бога, утверждая возможность освобождения лишь совершенно личными усилиями и упорным трудом над самим собою, одним этим уже отрицал всякое внешнее поклонение. С самого начала он отрицал все ритуалы и другие внешние действия, которые только способствуют усилению духовной слепоты и цеплянию за безжизненные формы. В его учении нигде нет и намёка на личное поклонение. Он говорил: «Учение спасает не потому, что Будда его даёт, но потому, что оно есть освобождение. Ученик, следующий за мною, держась за конец моей одежды, далёк от меня и я от него. Почему? Потому, что этот ученик не видит меня. Другой живёт за сотни вёрст от меня и, тем не менее, близок мне и я ему. Почему? Потому, что этот ученик понимает учение; понимая учение, он понимает меня».¹⁹

« — Если вы поняли и узрели истину, как она есть, скажете ли вы: „Мы обязаны уважением

нашему Учителю, и из уважения к нему, как говорил Учитель, так говорим и мы“?

— Нет, Благословенный.

— То, что вы утверждаете, не есть ли это то, что вы узрели и осознали сами?

— Да, Благословенный». ⁸

Предвидя будущее, Будда говорил: «Учение подобно пламени факела, зажигающему бесчисленные огни; огни эти могут способствовать варке пицци или рассеивать тьму, но пламя первого факела остаётся неизменно сияющим». ²⁰

Будучи врагом всякого ритуализма, Будда отрицал очистительную мощь обливаний. «Человек не будет нравственно чист оттого, что он долго очищался в воде. Чистый человек, брамин — тот, в ком обитает истина и добродетель». ²¹ «Гая такой же бассейн воды, как все остальные бассейны». ⁸

«Все ваши правила, — говорил Будда изуверам, — низки и смешны. Иной из вас ходит нагой, прикрывая себя только руками; иной не станет пить из кувшина или есть с блюда, не сядет за столом между двумя собеседниками, между двумя ножами или двумя блюдами; иной не

сядет за общий стол и не примет подавания в том доме, где есть беременная женщина, где заметит много мух или встретит собаку...

Иной питается одними овощами, отваром риса, коровьим или оленьим помётом, древесными корнями, ветвями, листьями, лесными плодами или зёрнами. Иной носит платье, накинув его только на плечи, или прикрывает себя мхом, древесною корою, растениями или оленьей кожей; распускает свои волосы или надевает на них повязку из конского волоса. Иной носит одежду печали; постоянно держит руки вверх; не садится на скамьи и циновки, или постоянно сидит в положении животных.

Иной лежит на колючих растениях или на коровьем помёте...

Не стану перечислять других подобных средств, которыми вы мучаете и изнуряете себя...

Чего ожидаете вы, добровольные труженики, за свои тяжкие труды? Ожидаете подаваний и почитания от мирян, и когда достигаете этой цели, крепко пристращаетесь к удобствам временной жизни, не хотите расстаться с ними, да и не

знаете и средств к тому. Едва вы завидите издали посетителей, как тотчас садитесь и показываете вид, будто вас застали в глубоком размышлении, но расставшись с ними, снова делаете, что хотите, прогуливаетесь или покоитесь на свободе...

Когда вам подносят грубую пищу, вы, даже и не отведевывая, отдаёте её, а всякое вкусное кушанье оставляете у себя. Предаваясь порокам и страстям, вы, однако же, надеваете личину скромности. Нет, не таково истинное подвижничество!

Труженичество только тогда полезно, когда под ним не кроются своекорыстные намерения».

Аскетизм не имеет никакой ценности для освобождения ума от уз земли. Гораздо труднее найти терпеливого человека, нежели питающегося воздухом и кореньями, одевающегося корою и листьями. «Когда человек ослаблен голодом и жаждой, когда он слишком утомлён, чтобы владеть своими чувствами и представлениями, может ли он достичь цели, которая овладевается лишь ясным разумом расширенного сознания?»¹

«Для того чтобы струны вины издавали гармонический звук, не следует их слишком натягивать

или ослаблять. Подобно этому, каждое усилие, если оно чрезмерно, кончается бесплодной затратой сил; если недостаточно, оно обращается в пассивность».²

«Упражняйтесь в соизмеримости, соблюдайте точную меру в напряжении и устанавливайте равновесие ваших способностей».

«Дисциплинированный человек свободен; будучи свободен, он радостен, он покоен и счастлив».

Именно, Будда стремился к тому, чтобы жизнь общины была радостна. Когда он формулировал наставления своему сыну, то наряду с любовью, состраданием и терпением он наказывал ему хранить радость.⁸

В буддизме человек способен к добродетели, лишь если он её осознал. Нельзя отчаиваться в человеке, творящем зло, если он знает, что делает. Он видит ошибочно, но, по крайней мере, он видит. Получив некоторое знание, он может отказаться от своих прежних поступков. Но что можно ожидать от человека, поражённого слепотою разума?

«Из двух людей, совершивших ту же ошибку, наиболее плох тот, кто не осознал её. Из двух невиновных лучше тот, кто сознаёт, что он виновен. Ибо нельзя ожидать от человека, не сознающего себя виновным, чтобы он выявил энергию для прекращения своего заблуждения».⁸

Чтобы вылечить себя, нужно знать свою болезнь, но знание не даёт здоровья; необходимое условие для этого — выявление нашей воли.

Учитель рассматривал все существующие проявления как корреляты утончённейших энергий.

Особенно ценил он проявление энергии и самостоятельности в своих учениках. Он никогда не учил подавлять страсти, как таковые, но лишь видоизменять и возвышать их качества; ибо в основе каждой страсти заложена искра энергии, без которой невозможно никакое продвижение.

Энергия—воля делает ученика настроенным, полным непреложного устремления. Эти качества вооружают его терпением, энергией, постоянством самообладания — три необходимых условия, чтобы раздавить полчища Мары (отрицательная сила) — «подобно слону, сокрушающему бамбуковую хижину». ¹³ Терпение рождается из сострадания и знания.

Относительно немилосердия указывается, что чужие ошибки легко замечаются, но своя ошибка трудно уловима. «Человек просеивает проступок соседа, как зерно от мякины, но свой прячет, как плут плохую игральную кость от игрока». ¹⁵

Нигде не видим непротивления злу, везде действенное обличение и прекращение зла. Нельзя покоряться страданию, нужно быть дерзновенным в усвершенствовании добра и не довольствоваться малыми достижениями. «Как прекрас-

ный цветок без запаха, так красивые слова того, кто не поступает соответственно, — бесплодны».¹⁵

«Я указал моим ученикам путь, которым они должны идти, чтобы проявить четыре совершенных усилия. Препятствуя возникновению пагубных, дурных вещей, если они ещё не выявлены; препятствуя их развитию, если они уже выявлены; способствуя выявлению полезных вещей, ещё не проявленных, и усиливая те, которые уже проявились, — ученик порождает волю, устремление, развивает мужество, упражняет сердце и борется».²

Никогда не назовём Будду кротким, наоборот, он Водитель неунывающий, Борец за общину и материю, Герой труда и единства.

Будда указывал на необходимость соизмеримости и целесообразности, он говорил: «Не нужно быть ни меньше, ни больше». Последователи его из этой формулы соизмеримости сделали скучную золотую середину, тогда как Учитель имел в виду гармонию. Также Будда завещал иметь возможно меньше вещей, чтобы не отдавать им слишком много времени, — и этот совет последователи обратили в педанство. Будда порицал

изуверов и советовал обращаться с телом по необходимости условий. Там, где тело должно было быть облегчено при передвижениях, там Учитель указывал удобу. Там же, где заражённость атмосферы требовала защиту, там Учитель требовал питание. В учении Будды мы находим не только материалистическую философию, но и практическое улучшение жизни каждого дня.

Учитель указывал на необходимость гармонии сил человека для выявления высшей меры знания, красоты и на научную, насущную нужность космических сбережений на общее благо.

«Он будет соблюдать соизмеримость в милосердии, и, находчивый в средствах, он соединит мудрость с состраданием».

«Милосердный человек нашёл путь к спасению. Он тот, кто посадил росток и тем самым обеспечил тень, цветы и плоды на будущие лета. Именно таково следствие милосердия, такова радость того, кто помогает тем, кто нуждается в помощи. Именно такова великая Нирвана».

«Бессмертие может быть достигнуто лишь постоянными добрыми делами; и совершенство достигается лишь через сострадание и милосердие».⁵

Сострадание и целесообразность ярко выражены в следующем высказывании:

«Благословенный произносит ли слово, если оно ложно, губительно и неприятно? — Нет.

Если оно истинно, губительно и неприятно? — Тоже нет.

Если оно истинно, полезно и неприятно? — Да, когда он находит это нужным.

Если ложно, губительно и приятно? — Нет.

Если истинно, полезно и приятно? — Да, когда он находит время подходящим.

Почему действует он так? — Ибо он сострадает всем существам».⁸

Много указаний о явлении сострадания имеется в сутрах; перечислять их не нужно, ибо в нижеприведённом проявлении заключена вся тонкость и трогательность отношения Будды к ближнему.

«Чунда, кузнец, услышав, что Благословенный пришёл в Паву и остановился в роще, направился к нему и, оказав почитание, просил Благословенного назавтра посетить его трапезу. Получив согласие, Чунда удалился и к следующему утру приготовил всевозможные яства, а также большой кусок сочной свинины. Благословенный

в сопровождении учеников прибыл в дом кузнеца. Опустившись на приготовленное сиденье, он обратился к кузнецу Чунде:

„Чунда, свинину, припасённую тобой, принеси мне, ученикам же дай другие приготовленные тобой яства“.

„Да, господин“, — ответил кузнец и поступил так, как было указано.

Тогда сказал Благословенный: „Чунда, что осталось у тебя от свинины, закопай в землю, ибо я не знаю существа, кроме Татхагаты, кто мог бы усвоить её“.

„Да, господин“, — ответил Чунда и зарыл в землю остатки свинины.

Вкусив пищу в доме кузнеца Чунды, Благословенный заболел тяжкой желудочной болезнью и, испытывая сильнейшие боли, сказал ученику Ананде: „Встань, Ананда, мы пойдём в Кушинагару“. По дороге Благословенный часто останавливался, испытывая жесточайшие боли, жажду и томление. Так дошли они до реки Какушта; здесь, совершив омовение, Благословенный остановился на опушке леса, лёг на разостланные

одежды и обратился к Ананде: «Ананда, возможно, что кто-нибудь огорчит сердце кузнеца Чунды следующими речами: „Чунда, большая неприятность тебе, и должен ты чувствовать себя очень несчастным, что Татхагата покинул преходящее после того, как он принял трапезу в доме твоём“.

Ананда, отгони тяжкие мысли Чунды словами: „Друг, ты должен радоваться, ибо в этом счастье твоё, что так случилось. Из уст самого Татхагаты слышал и внял я, что два дара пищи находят себе одинаковую оценку и воздаяние. Воистину, получают они бóльшую награду и благословение, нежели другие. Какие два? Тот, после которого Татхагата достигает высочайшего, полного озарения, и тот, после которого он вступает в освобождение Нирваны“. Такими речами должен ты, Ананда, рассеять тяжкие мысли кузнеца Чунды».⁴

Чем глубже вникаем мы в Учение Благословенного, тем ярче выявляется его беспредельное сострадание и любовь, которыми преисполнены все его мысли и действия.

«Подобно матери, охраняющей своё единственное дитя своею жизнью, воспитывайте в себе такую беспредельную любовь ко всем существам».¹²

Его всевмещающее чувство сострадания ко всему живущему простиралось даже на растительное царство. Он избегал уничтожать семена и растения.

В *Ангуттара-никае* Благословенный говорит: «Тот из моих учеников, который хотя бы на мгновение подумает о любви, освободительнице ума, размышляет не напрасно и следует учению и дисциплине Учителя. Но насколько же больше те, кто заняты усовершенствованием самой мысли о любви!»²

В *Итивуттаке* сказано: «Все способы, ведущие к достижению воздаяния в этой жизни, не стоят и одной шестнадцатой доли любви, освобождающей ум. Любовь, освобождающая ум, вмещает их в себе, сияя, блистая и излучая.

Подобно тому, как сияние всех звёзд не может сравниться с одной шестнадцатой долей яркости луны, но как свет луны поглощает в себе сияние их, блистая, сверкая и излучая, так и все способы к достижению воздаяния в этой жизни не

стоят и одной шестнадцатой доли любви, освобождающей ум.

Любовь, освободительница ума, вмещает в себе всё, сияя, сверкая и излучая.

Подобно тому, как в последний месяц дождливого осеннего времени солнце, поднимаясь в ясном и безоблачном небе, рассеивает тьму на всём пространстве, сияя, блистая и излучая, и подобно тому, как звезда утра, после ночи на заре, сияет, блистает и излучает, точно так же все способы к достижению воздаяния в этой жизни не стоят и одной шестнадцатой доли любви, освобождающей ум. Любовь, освободительница ума, вмещает их в себе, сияя, блистая и излучая».¹⁹

Любовь Будды, как неизмеримый поток, не могла быть исчерпана никакой ненавистью или враждебностью. Напротив, враждебные выпады ещё полнее выявляли её. Потому он завещал своим ученикам: «Что бы ни говорили люди о вас, будь то справедливо или несправедливо, учтиво или неучтиво, умно или глупо, с добротой или со злобою, мои ученики, вы должны приучать себя к этому. Ваш ум должен оставаться чистым, незапятнанным. Также и злое слово

не должно исходить из ваших уст. Добрыми и сострадательными должны вы пребывать, сердцем любящими и не таить в себе ненависти. Окружите такого человека непрекращающимся потоком любвеобильной мысли. И, продолжая от него, наполните весь мир постоянными мыслями любвеобильной доброты, мыслями широкими, растущими и неизмеримыми, как мир, свободными от ненависти, свободными от злобы. Так, ученики, должны вы воспитывать себя».⁸

Здесь мы видим, что любовь, которую ученики Благословенного должны были воспитывать в себе, была как беспредельный поток доброты, изливаемый на все четыре стороны света, вниз, вверх, во все места на всём пространстве Вселенной.

Согласно учению, когда эти благие волны сострадания или радости, посланные в пространство, достигают ум, подавленный горем и несчастьем, он внезапно ощущает в себе прилив чувства мира и спокойствия.

Мысль есть энергия и, как таковая, действует в полном соответствии с её напряжением и импульсом, данным ей.

Любовь, как она была преподана Благословенным, будучи освобождением ума, лежала в основании всего действительно великого.

«Превыше всего — любящее сердце».⁵

Ещё одно предание из жизни Будды.

«Благословенный сидел над струями глубокого озера. В глубине можно было рассмотреть целый мир рыб и водорослей. Благословенный заметил, как этот мирок сходен с царскими дворами. Если туда опустится человек, он ступнёй сокрушит все призрачные чертоги, но сам задохнётся. Из таких глубин не подымается дух человека.

„Впрочем, — улыбнулся Учитель, — на всё есть средство. Можно пробить скалу и выпустить озеро. Улитки должны будут или засохнуть, или найти другое существование, но человек уже не погибнет“».

В буддийских писаниях часто упоминаются шесть учителей-философов в качестве постоянных противников Будды. Это были философы, оспаривавшие у Будды теоретические начала его учения. Два положения в учении Гаутамы Будды особенно подвергались нападкам — его учение о причинах и отрицание самостоятельной и неизменной души в человеке и во Вселенной. Именно те два положения, которые особенно близки современному нам мышлению.

Утверждая реальность, окружающую нас и видимую всеми людьми, Учитель указывал на существование тончайшей реальности, доступной лишь высшему знанию. Знание этой реальности и обладание этим высшим знанием недоступно нашим обычным грубым органам чувств.

«Если бы только то, что воспринимается нашими чувствами, существовало как единственная реальность, то невежды по праву рождения

обладали бы основной Истиной. К чему были бы тогда все поиски к познанию сущности вещей?»

В нашем мозгу есть центры, открытие которых даёт возможность обладания подобным непреложным знанием. В этом утверждении мы ещё раз видим, насколько Учитель шёл чисто научным путём, совпадая в этом указании с утверждениями современных учёных о том, что в нашем организме имеются многие центры, функции которых ещё неизвестны, но, по значительности занимаемого ими места, можно предполагать о необычном значении их.

Также идея личного бога, спасающего человечество, являлась для буддистов неприемлемой, несовместимой с законом кармы и с пониманием необходимости совершенно личных усилий для своего освобождения.

«Если существует Бог, какую надежду можешь ты питать умилоствовать его гимнами и поклонами? Поступки, совершённые тобою, суть поступки этого высшего существа. Если Бог делает и всё то, что худо, какую заслугу видишь в нём для твоего почитания? Если, ненавидя зло, он не способен выявлять зло, то нелепо говорить,

что всё сущее есть творение Бога. Мощь Бога должна быть основана на законе или же быть подчинена другой причине. В первом случае она является следствием закона, во втором мы должны назвать её рабством, а не владычеством».

«Кто сотворил наши жизни? Разве это Ишвара, личный творец? Если бы Ишвара был творцом, то все живущие существа должны были бы молча подчиниться мощи сотворившего их. Они были бы как сосуды, сделанные рукою горшечника. Если бы это было так, то каким образом явилась бы возможность применять добродетель? Если бы мир был сотворён Ишварой, то в нём не должно было бы существовать ни горя, ни бедствий, ни греха, ибо как чистые, так и нечистые деяния должны исходить от Него. Если же нет, то должна существовать другая причина кроме Него, и тогда Он не будет Самосущим. Итак, вы видите, что мысль об Ишваре опрокинута.

Кроме того, утверждают, что Абсолют сотворил нас. Но абсолютное не может быть причиной. Всё вокруг нас происходит от причины, как дерево происходит от семени; но как может Абсолют быть подобной причиной всего сущего?

Если он наполняет собой всё существующее, то, конечно же, он не создаёт его.

Утверждают, опять-таки, что я — создатель. Но если создатель — я, то почему всё не создано приятным? Причины страданий и радости существуют реально, и они объективны. Как могло бы я создать их?

С другой стороны, если принять, что создателя нет, что наша судьба такова, какая она есть, и что причинности не существует, — к чему тогда было бы строить жизненные планы и согласовывать средства с целью?

Итак, мы утверждаем, что всё сущее имеет свою причину. Однако ни Ишвара, ни Абсолют, ни я, ни беспричинная случайность не являются создателем, но наши собственные действия производят следствия — как добро, так и зло».¹⁸

«Весь мир подчинён закону причинности и причинам, умственным и неумственным... золото, из которого сделана чаша, остаётся золотом во всех отношениях. Не будем погружаться в пустые спекуляции о бесполезных тонкостях; откажемся от своего я и от эгоизма и, поскольку всё связано причинностью, будем осуществлять

добро, чтобы благо проистекало от наших действий».⁵

Если вечно изменяющееся существование человека исключает гипотезу постоянной, неизменной сущности, то и Вселенная, этот комплекс комплексов, объясняется всецело без необходимости или даже возможности вводить в неё существо неизменяемое и вечное.

Две доктрины, особенно осуждавшиеся Буддою:

- 1) утверждение вечной неизменной души,
- 2) уничтожение души после смерти.

Обе эти доктрины опровергались законом причинного зарождения, устанавливающего, что все дхармы, в одно и то же время, являются причинами и последствиями.

Будда отрицал существование неизменной души в человеке и во всём, ибо в человеке и во всей Вселенной он видел лишь непостоянство и преходящее. Тезис — *беспрерывность потока феноменов* и формула — *причинность зарождения* исключают существование вечной, неизменной души, как индивидуальной, так и мировой.

Понятие, связанное со словами *неизменная душа*, совершенно неприемлемо для буддиста, ибо представление, что человек может быть сущностью, отделённой от всех других сущностей и бытия всей Вселенной, не может быть доказано ни логикой, ни поддержано наукой.

«В этом мире никто не независим. Всё, что существует, зависит от причин и условий».

«Всякая вещь находится в зависимости от другой, и вещь, от которой она зависит, в свою очередь, не независима».¹¹

Будда постоянно учил, что самостоятельного *я* нет, что нет и обособленного от него мира. Нет самостоятельных предметов, нет обособленной жизни — всё лишь неразрывные корреляты. Вся Вселенная существует лишь взаимодействием своих энергий.

Раз нет отдельного *я*, то мы не можем сказать — моё то или другое, и этим самым уничтожается зачаток понятия собственности.

Если понятие неизменной и самостоятельной человеческой души должно быть отброшено, что же это такое в человеке, что даёт ему впечатление обладания постоянной личностью? Ответ

будет — *тришна*, или неудовлетворённое желание бытия. Существо, породившее причины, за которые оно должно отвечать, обладая вожделем, получит новое рождение в соответствии со своей кармой.

Рождается новое соединение скандх — элементов одного и того же комплекса элементов или дхарм, проявляющихся в данное время как одна личность, и, после определённого промежутка времени, снова в виде другой, третьей, четвёртой и т. д. в бесконечность.

Происходит не трансмиграция, а бесконечное преобразование комплекса дхарм, или элементов, — иначе говоря, перегруппировка элементов-субстратов, входящих в человеческую личность.

На качество нового соединения скандх — элементов новой личности оказывает большое влияние последнее предсмертное устремление предыдущей личности, которое даёт направление освобождающемуся потоку.

Человек рассматривается в буддизме как индивидуальность, сложенная многочисленными существованиями, но лишь частично проявленная в каждом новом появлении на земном плане.

Индивидуальное существование, состоящее из целой серии жизней, которые начинаются, продолжаются и оканчиваются, чтобы снова начать, и так нескончаемо, сравнивается с колесом или годом с двенадцатью месяцами, неизменно повторяющимися. Самая цепь двенадцати нидан становится уже не цепью, но колесом жизни с двенадцатью спицами. Колесо жизни, колесо Закона, раз пущено в ход, никогда не останавливается. «Колесо благого Закона в неизменном вращении неустанно дробит, неценные отбросы отделяя от золотого зерна. Рука кармы направляет колесо, его обороты отмечают биение её сердца».

Все эти смены форм или бытия ведут к одной цели — достижению Нирваны, то есть полного развития всех возможностей, заложенных в человеческом организме.

Но буддизм учит познавать и творить благо независимо от этой цели, ибо, в противном случае, это было бы невежеством самости, абсолютным эгоизмом, и подобный спекулятор заранее осуждён на разочарование. Как сказано: «Нирвана есть синоним бескорыстия, полный отказ от

всего личного во имя истины. Невежественный человек мечтает и стремится к Нирване, не имея ни малейшего представления об истинной её сущности. Творить добро с целью получения результатов или же вести дисциплинированную жизнь для достижения освобождения — не есть благородный Путь, завещанный Гаутамою Буддою. Без мысли о каких-либо вознаграждениях и достижениях должна быть пройдена жизнь, и такая жизнь есть наивеличайшая».

Состояние Нирваны может быть достигнуто человеком в его земной жизни.

Учение Будды не делает различия между физическим и психическим миром. Реальность, приписываемая действиям мысли, — того же порядка, что и реальность предметов, познаваемых нашими чувствами. Благословенный сказал: «Истинно говорю тебе, твой разум — умственный, но и то, что воспринимается с помощью чувств, тоже умственно. Нет ничего в этом мире или вне его, что не есть ум или не могло бы стать им. Всё сущее одухотворено, и даже сама земля, по которой мы ступаем, может преобразиться в сынов истины».¹⁸

Учение рассматривает все существующие феномены как единственную реальность. Физически и психически эти феномены суть дхармы, предметы нашего познания. В нас и вне нас мы соприкасаемся лишь с дхармами, ибо в нас и вне нас существуют лишь дхармы.

Слово *дхарма* — одно из наиболее значительных и наиболее труднопереводимых в буддийской терминологии. Дхарма есть многообразный фактор, фактор сознания, с присущей ему особенностью определённого выявления. Наши органы доставляют нам чувствования, которые обращаются в дхармы действием познания. Идеи, представления и все интеллектуальные процессы — прежде всего, дхармы. Для нашего сознания дхармы то же, что цвет, форма и звук для зрения и слуха. Дхармы существуют для нас своим воздействием. «Синий цвет существует поскольку мы получаем ощущение синего». Само учение Будды принято называть Дхарма, ибо *дхарма* также обозначает закон, долг.

Субъективные или же объективные феномены непрерывно изменяются. Они реальны, но реальность их моментальна, ибо всё, что существует, есть лишь вечное развитие — дхармы

появляются один момент, чтоб измениться в следующем. Эта доктрина вечного потока всех вещей была настолько основной характеристикой учения, что оно получило даже наименование «Теория моментального разрушения».

Дхармы (трансцендентальные носители определённого качества) вовлечены в поток вечного изменения. Сочетания их определяют особенности предметов и индивидуумов. Неизменно лишь то, что находится вне сочетаний.

Древнее учение знало лишь одно понятие, которое не было составным, условным и было вечным (в представлении определённого цикла, но не в Беспредельности), — это Нирвана. Каждая дхарма является причиной, ибо каждая дхарма есть энергия. Если эта энергия присуща сознательному существу, она выявляется двояко: внешне она проявляется как непосредственная причина феноменов, внутренне она изменяет породившего её и заключает в себе последствия, обнаруживающиеся в более или менее далёком будущем.

Если взять человека, мы найдём, что его физическое и психическое строение есть лишь

сочетание пяти групп агрегатов — скандх, которые подразделяются на физические качества, форму — рупа; чувствования — ведана; представления — санджня; устремления или силы — санскара; сознание — виджняна. Все пять одинаково неустойчивы и двойственны. Санскара суть наклонности и творческие силы, объясняющие настоящие дхармы предыдущими дхармами и которые в настоящих дхармах готовят дхармы будущего.

«Санскара — накопления, оставленные прошлыми чувствованиями и сообщающие аромат будущим чувствованиям». Из этого определения санскара-скандх ясно, что эта группа элементов является как бы впитывающей в себя все особенности прочих скандх. Санскара-скандхи (тело причинности) — существование этой группы скандх обусловлено необходимостью проявления; когда эта необходимость исчезает, они претворяются в чистый свет. Скандха виджняна и отчасти санджня дают окраску или характер прочим сочетаниям и потому являются причиной, определяющей последующее существование, в смысле устремлений, наклонностей.

«Рупа подобна блюду; ведана подобна пище на блюде; санджня подобна подливке; санскара подобна повару, а виджняна подобна едоку». Благословенный сказал: «Именно в процессе эволюции возникают санскары. Не существует ни одной санскары, появившейся иначе чем путём постепенного становления. Твои санскары — следствия твоих поступков в прежних существованиях. Сочетание твоих санскар есть твоё я. Куда бы ни были они привлечены, туда перемещается и твоё я. В своих санскарах ты продолжишь свою жизнь, и в будущих существованиях пожнёшь урожай того, что посеял теперь и прежде».¹⁸

Ни один элемент из одного существования не переходит в другое, но ни один не достигает нового существования, не имея причины в предыдущем бытии. Когда старое сознание перестаёт существовать — это смерть. Когда сознание возвращается к существованию, получается новое рождение. Нужно понимать, что не из старого сознания возникает настоящее сознание, но что оно своим настоящим видом обязано причинам, заложенным в предыдущем бытии.

От одной жизни к другой нет передачи, но как бы ответ, солидарность.

«Человек посеявший — не тот самый, который жнёт, но он и не другой».

Содержание сознания состоит из дхарм. Дхармы — это мысли. Мысли эти так же реальны, как и четыре элемента или органы чувств, ибо с момента, как вещь продумана, она уже существует. Человек есть комплекс сочетаний, и в каждый момент его природа определяется числом и характером частиц, которые его составляют. Каждое изменение в его сочетаниях делает из него новое существо. Но это изменение не исключает последовательности, ибо движение скандх не совершается случайно и вне закона. Вовлечённые в вечный прилив и отлив агрегаты изменяются в одном направлении более, нежели в другом, ибо условия каждого нового сочетания определяются причиной, и причиной этой является качество предшествовавшей причины. Каждое последующее сочетание пожинает плод предыдущих сочетаний и закладывает семя, которое оплодотворится в будущем сочетании.

Человек есть комплекс сочетаний, и, в то же время, он — звено. Он — комплекс, ибо в каждый момент он содержит большое число скандх; он представляет из себя звено, ибо между двумя последующими состояниями есть одновременно различие и солидарность. «Если не было бы разницы, молоко не изменилось бы в простоквашу. И если бы не было солидарности, не было бы необходимости в молоке, чтоб иметь простоквашу». Так скандхи складывают нашу карму или, наоборот, карма слагается из скандх.

Поясним ещё примером. Физиологически человеческий организм совершенно изменяется каждые семь лет, и тогда как человек А в сорок лет совершенно тождественен с восемнадцатилетним юношей А, всё же, благодаря постоянному разрушению и восстановлению его тела и изменениям в уме и характере, он другое существо. Человек в старости является точным следствием мыслей и поступков каждой предыдущей стадии своей жизни. Подобным образом новое человеческое существо, будучи предыдущей индивидуальностью, но в изменённой форме, в новом соединении скандх-элементов, справедливо по-

жинает следствия своих мыслей и поступков в предыдущих существованиях.

Сознание и его вечно изменяющееся содержание едины. «Нет постоянного я, которое осталось бы неизменным». «Нужно, чтоб эмбрион умер, для того чтобы родился ребёнок; нужна смерть ребёнка, чтобы родился мальчик, и смерть мальчика выявляет юношу».¹⁰

На Востоке принято эволюцию человеческого существа сравнивать с ожерельем — каждая буса которого есть одно из физических проявлений. Но, может быть, ближе представить себе эту эволюцию как сложную настойку, в которую с каждым новым проявлением на земном плане прибавляется новый ингредиент, который, конечно, изменяет весь состав.

Каждое новое проявление ограничивается физическими элементами — рупа-скандха.

Энергия, стремящаяся создать новое существо и направляемая кармой, называется *тришна* — стимул, жажда бытия.

И этот стимул при проникновении в Учение встаёт перед нами как величайший космический

принцип, как величайшее и прекраснейшее космическое таинство.

И Гаутама Будда, неустанно указывавший на вечно мчащийся поток наших жизней, этим самым утверждал космичность и, следовательно, беспредельность этого стимула, подавлением которого в себе заняты многие злоторкователи Учения. Но огненный дух Учителя мог лишь уничтожать малые понятия, расширяя их в беспредельность.

И Нирвана есть те Врата, которые вводят нас в ритм высшего, огненного, творящего и вечно расширяющегося потока бесконечного существования.

Учение Будды — это один неутомимый огненный призыв к осознанию единства и красоты великого творчества Бытия Беспредельного!

Что есть карма? Воздействие последствия совершённого человеком выявления — делом, словом и мыслью. Внутреннее воздействие, как уже указано ранее, проявляется лишь в сознательных существах. Отсюда колоссальная ответственность человека перед всем сущим, и прежде всего — перед самим собою.

«То, что я называю кармой, есть лишь мысль, ибо, поразмыслив, человек действует телом, словом и разумом». ²² Карма создаётся мышлением. «Нет никакой заслуги тому, кто даёт золото, думая, что даёт камень». Именно мышление придаёт человеку моральную ценность, изменяемую поступками в ту или иную сторону.

Доброе действие выявлено и завершено. И хотя его уже нет, тем не менее последствие существует. В момент действия происходит определённое сочетание дхарм в *потоке* этого человека. В этом заключается неуничтожаемость поступка.

Таким образом, к понятию чисто механическому причины и следствия буддизм прибавляет ещё ответственность. Одна из таких комбинаций агрегатов, которую мы называем индивидуумом, унижена или возвышена действиями другой, предшествовавшей комбинации, с которой она солидарна. «Я не учу ничему другому, как только карме».³

Та настойчивость, которую проявил Будда, чтобы внушить своим ученикам сознание моральной ответственности, вытекающей из закона кармы, доказывает, что в этом заключался фактор первичной Истины, самодовлеющей и абсолютной, — Истины, которая должна руководить всеми поступками человека. «Сомневаться в моральной мощи поступка — значит закрывать глаза на очевидность».

Все существа имеют свою карму. «Они наследники поступков и сыновья поступков. Они в полной зависимости от поступков. Поступки устанавливают между существами различия в состояниях, низменных и превосходных».

«Воистину, из того, что было, создаётся то, что есть. Человек рождается согласно тому, что он создал. Все существа имеют наследием карму».⁸

«Соответствие между плодом и семенем не только точно, но действие, как всякое доброе семя, возрастает стократно».

Так каждый человек, действием безошибочной кармы, получает в точной мере всё должное, им заслуженное, не более и не менее. Ни одно благое либо злое действие, как бы пустячно оно ни было, как бы тайно ни содеянное, не минует точно уравновешенных весов кармы. Карма есть причинность, действующая в моральном так же, как в физическом и других планах. Буддисты говорят: «Нет чудес в делах человеческих — что человек посеял, то он и пожнёт».

«Не существует места на земле, или на небе, или под водою, также нет такого в недрах гор, где бы злое действие не принесло страдания породившему его».

«Если кто оскорбит неповинного человека, то зло обратным ударом настигнет безумца, подобно лёгкому сору, брошенному против ветра».

«Зло содеянное не сворачивается тотчас же, как молоко. Оно следует за безумцем, как тлеющая искра, которая, наконец, разгорается в жгучее пламя».¹⁵

Один безумец, услышав, что Будда соблюдал принцип великой любви — платить добром за зло, пришёл к нему и начал поносить его. Будда хранил молчание, жалея его безумие.

Когда же безумец кончил свои поношения, Будда спросил его: «Сын мой, если человек отказывается принять дар, кому он принадлежит?» И тот отвечал: «В таком случае, он будет принадлежать человеку, предложившему его».

«Сын мой, ты поносил меня сейчас, но я отказываюсь принять твои оскорбления и прошу тебя оставить их при себе. Не будет ли это источником горя для тебя? Как эхо принадлежит звуку и как тень предмету, так же неизбежно бедствие настигнет содежавшего зло.

Злой человек, упрекающий добродетельного, подобен человеку, который смотрит вверх и плюёт в небо; плевков не осквернит небо, но, падая обратно, запятнает его самого.

Клеветник подобен бросающему сор на другого, когда ветер противный. Сор лишь возвращается на того, кто бросил его. Добродетельному человеку не может быть нанесено ущерба, и то

несчастье, которое клеветник желает нанести, оборачивается на него самого».²⁰

Как общее правило, люди возвращаются на землю до тех пор, пока сознание их не перерастёт земного уровня. Будда указывал, что существуют целые системы миров различных качеств, высших и низших, и что обитатели их, в своём развитии, вполне соответствуют мирам, ими населяемым. Мир, в котором данный человек должен проявиться, так же как и качество самого перевоплощения, решается преобладанием в нём положительных или отрицательных качеств, иначе говоря, научным языком, — рождение это будет контролировано его истинным тяготением, или своею кармою — скажут буддисты.

Подобно проступку, раскаяние есть действие. И это действие имеет последствия, которые могут уравновесить последствия проступка. Будда говорил: «Если содеявший зло человек осознает свою ошибку, раскается и будет делать добро, сила наказания истощится постепенно, подобно болезни, постепенно теряющей своё

губительное воздействие по мере испарины большого».

Карма есть мысль, потому качество мышления может изменить и даже совершенно освободить человека от воздействия кармы. Если бы поступки всегда нагромождались один на другой, человек был бы заключён в свою карму как в заклятый круг. Но, уча, что существует состояние сознания, которое может уничтожить воздействие содеянных поступков, Будда указал возможность прекращения страданий мира. Воля и энергия — властители кармы. Из всего сказанного ясно, что закон кармы и закон перевоплощения неделимы, ибо один является логическим следствием другого.

Некоторыми западными учёными принято было рассматривать буддизм как учение отчаяния и бездействия, что совершенно не отвечает его основному характеру.

Будда, как истинный вождь общего блага, бесстрашно раскрыл человечеству истинные опасности существования, и в то же время указал путь, как избежать их: путь этот — знание. Кто же назовёт человека, остановившего вас на краю пропасти, пессимистом?

«Существа живут в доме, объятom пламенем, и, тем не менее, они не испытывают ни боязни, ни ужаса. Они не знают; они беспечны; они не пугаются; они не стараются спастись; они развлекаются и спуют в разные стороны в этом тройственном мире, подобном дому, охваченному пламенем».²³

«Глупцы думают, что страдания заключаются лишь в болезненном ощущении. Воистину,

чувства их извращены. Они уподобляются больному, представляющему себе, что сахар горек. Пушинка шерсти, опускаясь на руку, неосязаема, но проникая в глаз, она причиняет сильную боль. Ладонь — это невежественный человек, глаз — это мудрец. Лишь мудрый глубоко потрясён зрелищем страдания мира».²⁴

Если кто после этих заявлений назвал бы Будду пессимистом, то уподобился бы тем невежественным людям, которые убивают врачей, приезжающих делать им целебные прививки. И те же люди, склонные приписать учению ноту отчаяния, приводят утверждение Благословенного: «Я разрушитель старости и смерти. Я лучший из врачей. Я владею наивысшим средством»²⁵.

«Пейте, трудящиеся, пейте лекарство истины и, принимая его, живите. Испив его, вы победите старость и смерть».¹⁴

Приводим авторитетное мнение главного настоятеля монастырей Камакуры Соэн Сяку: «Буддизм есть наиболее рациональное и интеллектуальное учение мира».²⁶

Учение Будды, проникнутое по своему построению утверждением самодовлеющей чело-

веческой сущности, в космическом размахе устремления к дальним мирам, полно истинного величия и красоты.

Естественно может явиться вопрос — как же Учитель помнил о красоте в её земных проявлениях? В *Махапариниббана-сутте* указывается, что даже перед отходом мысли Учителя были устремлены к прекрасному, вспоминая красоты лучших мест, им пройденных: «Прекрасна Раджагриха, вершина Коршуна, скала Разбойника; прекрасны рощи и горы». «Вайшали — какое это прекрасное место!»⁴

Все древние философские учения утверждали закон кармы и закон конечного освобождения. Но ценность учения Будды в том, что, не нарушая в основе все эти научно-философские положения, оно обратилось к земле, к земному труду, указывая, что лишь путём реального, напряжённейшего труда и саморазвития можно достичь истинного прогресса, и тем самым установило эволюционность человечества, как органической части Космоса.

Слово *поток*, так часто употребляемое Буддой в приложении к Космосу и к человеческому существованию, есть не что иное, как наше понятие, выраженное словом *эволюция*.

«Контакт космического преобразования с психической энергией рождает состояние счастливого потока» — так говорил Будда.

Насколько прежние учения могли быть характеризованы отрывающими от земли, настолько

Будда явился истинным пахарем земли, утверждая основу сознательного и реального труда. И формула, что всё достигается лишь личными усилиями, лишь человеческими земными руками и ногами, красною нитью проходит через всё учение. И в этом заключается неповторяемая особенность ценности учения и труда Гаутамы Будды.

Нет более прекрасного воззвания к миру, чем это постоянно повторяющееся утверждение: «Братья, я не предлагаю вам никаких догм, и я не требую от вас верить в то, во что веруют многие другие. Только к самостоятельному просветлению призываю я вас — пользуйтесь собственным умом, развивайте его, не позволяйте ему тупеть. Я заклинаю вас, не уподобляйтесь хищным зверям или глупым овцам. Я молю вас, будьте здравомыслящими людьми, людьми, трудящимися неустанно для обретения истинного знания, которое превозможет страдание».

Нас не занимают позднейшие нагромождения около буддизма, только основы, завещанные самим Учителем, нужны для будущего. И в этих основах можно видеть учение, не только

проложенное железной волей, но и запечатлённое ступенями хождений долгих.

Можно изумляться, какими доводами поверхностные исследователи показали учение Будды как отчаяние. Ведь это — ложь! Песнь величия труда, песнь победы человечества, песнь суровой радости!

Учение Будды можно назвать опытом трудовой общины.

Не только понимание буддистов, но и все справедливые умы должны оценить камень труда Будды.

С самого начала делалось различие между смыслом и буквою. Учитель говорил: «Знание не есть буква, но дух».

«Слово Будды отлично от буквы. Учитель сообщает истину ученику, но обладать ею он может лишь после глубокого, личного её осознания».

По словам учёных буддистов, данные, на которых основано учение, отвечают всем требованиям разума, но смешивать который с ограниченным рассудком невежественного человека было бы крайне нелепо.

До нашего времени сохранилось достаточно буддийских преданий, более или менее достоверных, чтобы, по крайней мере приблизительно, знать характер речей Учителя. Из этих преданий мы знаем, что Учитель никогда не колебался в ответах на предлагаемые ему вопросы. В древних сборниках слов Будды, прежде всего, замечается необычайная краткость и чёткость выражений. Сутры есть не что иное, как афоризмы или краткие изречения Будды, заключавшие в себе философские и нравственные положения учения. Афоризмы Будды сохранили свою краткость в буддийских преданиях, но уже с присоединением пояснений.

Яркость учения Будды также заключалась в силе его простых выражений. Никогда он не применял стихов. Именно, подобно льву рычал он о чистоте жизни. Никогда не проповедовал, но лишь разъяснял при случае, пользуясь притчами для углубления данного совета. В Сарнатхе встал на лежавшее колесо, и сравнение было жизненно.

Будда заповедал своим ученикам всегда излагать учение на народном, разговорном языке

и сурово осуждал всякую попытку кодификации учения на искусственном литературном языке.

В буддийских традициях имеются данные о хождении Учителя за пределы современной ему Индии, в Тибет, Хотан и Алтай.

Традиция буддизма имеет при своих общинах обширные школы с философскими, медицинскими, математическими, астрономическими и прочими курсами является прямым следствием заветов Учителя, указавшего, что «невежество есть пятно, более других пятнающее человека».

Школы буддийские, так же как и точный состав их книгохранилищ, посторонним мало известны, но каждое новое сведение служит к расширению западных понятий о внутреннем строении буддизма. Без языка, без знаний, без доверия никто не проникнет в эти твердыни, которым так близка Сангха — община.

Не забудем, что слово *лама* означает учитель, а не монах, как по незнанию часто принято считать. Издревле учёные ламы переписывают и печатают с резных досок книги и являются очень

искусными художниками, при полной анонимности авторства. Уважение к книгам и книгохранилищам является традиционным в Тибете. Среди учёных лам существует обычай проигравшего в учёном споре запирать в библиотеку.

Возвращение к древней *Винае* — кодексу нравственных и общинных постановлений буддизма, стоит всегда, а особенно теперь, ближайшей задачей общинных собраний.

Известный учёный в своей лекции, прочитанной им на выставке буддийских предметов в Петрограде, говорил: «Не можем не сказать в заключение, что основные стороны буддийского философского учения, будучи правильно поняты и переложены на наш философский язык, обнаруживают замечательную близость как раз к самым последним, самым новейшим достижениям в области нашего научного мирозерцания. «Мироздание без Бога», «психология без души» (вернее было бы сказать — психология вечно изменяющейся души), «вечность элементов материи и духа», что является лишь особым выражением закона причинности; наследственность, жизнен-

ный процесс вместо бытия вещей; в области практики — отрицание права частной собственности, отрицание национальной ограниченности, всеобщее братство всех людей...; наконец, общая всем нам необходимая, неизбежная вера в то, что мы движемся и должны двигаться к совершенствованию независимо от Бога, души и свободы воли, — вот основные черты как буддийского, так и нашего современного, новейшего мирозерцания». Именно, учение Будды опровергает существующее заблуждение, что эволюция неизбежна и закон её действует безотносительно. Мы знаем, что всё живёт и действует индивидуально, значит, должна быть особая координация и дисциплина, чтобы созвучие не нарушалось. Сказать, что человек должен развиваться независимо от того, что сам он является частью общего плана эволюции, — значило бы отвести человеку роль лишь мяча судьбы.

К сожалению, мы должны указать, что последние слова уважаемого лектора — «мы движемся и должны двигаться к совершенствованию *независимо от... свободы воли*» — находятся в прямом

противоречии к основному принципу учения Будды, по которому для достижения усовершенствования и высшего сознательного существования требуются совершенно личные, сознательные усилия и постоянный труд над собою, что возможно лишь при свободной воле.

Сопоставим буддизм и современную науку. Бросается в глаза, что именно буддисты наиболее склонны ко всем эволюционным достижениям. Конечно, это качество было вложено их основным учением. Знакомясь с основами, видим, насколько утверждения Учителя подтверждаются достижениями современной нам науки. Что Эйнштейн достиг путём опыта, то тех же результатов достигли древние буддисты чисто умозрительным путём.

Ещё раз повторяем, что буддизм нельзя рассматривать как религиозное откровение, ибо Гаутама Будда утверждал своё учение как познание вечных истин, которые так же точно утверждались его предшественниками.

Гаутама учил, что всё существующее произошло из Акаши, или первичной субстанции, в повиновение присущему ей закону вечного

движения, и после известного периода существования вновь разлагается.

«Ничто не может произойти из ничего». Буддисты не верят в чудеса, следовательно они отрицают создание и не могут представить себе создание чего-то из ничего.

«Ничто органическое не вечно. Всё сущее находится в состоянии постоянного движения, претерпевая изменения и поддерживая непрерывность согласно закону эволюции».

«Мир существует причиной. Всё существует причиной. Все существа связаны причиной».⁸

Говоря о постоянной изменяемости видимого нашими грубыми органами мира и его разложении, буддизм указывает, что эти разложения временны — периодичны; ибо по принципу эволюции, направляемому законом кармы индивидуальной и коллективной, мир исчезающий в свою очередь выявит новый мир со всем его содержанием, подобно тому как наша Вселенная была проявлена из первичной субстанции — материи.

Отрицая чудеса, Учитель указывал на скрытые силы в человеческой природе, которые, при

развитии их, могут производить так называемые чудеса.

Система развития этих сил изложена в буддийских книгах и известна под названием науки *Иддхи-видха*, причём указывается на два вида проявлений этих сил и на два способа достижения их. Один, низший вид, достигается путём разных аскетических и других физических упражнений. Другой, более высокий и исчерпывающий все возможные явления, достигается силою внутреннего развития.

Первый вид развития сил непрочен и может быть утерян, тогда как внутреннее развитие никогда не может быть утрачено. Овладение им достигается, следуя указанному Буддой благородному Пути.

Все эти скрытые силы развиваются в человеке постепенно, и обычно сами собою, по мере преодоления человеком низших проявлений своей природы в целом ряде прежних жизней.

Для развития сил высокой степени необходимы четыре условия:

- 1) воля,
- 2) её применение,

- 3) умственное развитие,
- 4) распознавание между истиной и заблуждением.

Человек, обладающий этими силами или знанием, умножая силы природы, может произвести самые необыкновенные чудеса, то есть, другими словами, произвести любой научный опыт. Будда не поощрял подобных выявлений сил, ведущих лишь к смущению умов, незнакомых с присущими этим выявляемым принципам, и создающих тяжкую атмосферу насильственно потревоженных стихий.

В *Махапариниббана-сутте* говорится о необыкновенном свете, исходившем из тела Будды, который был замечен его ближайшим учеником Анандой. Учитель указал, что при двух обстоятельствах подобное физическое излучение может быть видимо физическим глазом:

- 1) во время великого просветления человека, ставшего Буддою;
- 2) в ночь, когда подобный человек — Будда — окончательно уходит.⁴

Изучая буддийские источники, можно найти много ценнейших указаний об этом чисто физи-

ческом явлении излучения. Указывается светящаяся, тончайшая материя, окружающая человека и являющаяся ближайшим внутренним фактором человеческих постижений. «Материя эта необычайно тонка, подобна сиянию алмаза, невесома, несжигаема и исчезает без остатка после смерти. И тем не менее она атомична».

Излучение это сейчас известно европейцам под названием *аура*. Излучение это совершенно естественно, и было доказано научно, что не только все человеческие и животные организмы, но деревья, растения и даже камни обладают им.

Первым из учёных, указавшим на эту особенность, был барон Рейхенбах; он доказал, что это излучение совершенно естественно. Опыты эти подробно изложены в его «Исследованиях 1844–45 г.».

Также д-р Барадюк в Париже снимал фотографии с этого излучения, а сейчас в Лондоне, Америке и Берлине отделы при научных институтах посвящаются изучению человеческих излучений — ауры. Было доказано, что излучение это бывает разнообразных оттенков, распространяется в объёме и усиливается в напряжении света

соответственно духовному и интеллектуальному развитию человека. Отмечены такие явления, как внезапные вспышки цветных лучей, выходящих из оплечий, но происхождение подобных вспышек не нашло ещё объяснения в науке. Обращено внимание на уменьшение силы света излучения при болезненном состоянии организма.

В своей книге «Магнитная аура космического человека» Мар-Галитту (г-жа Рейман) пишет: «Профессор Юрьевич из Москвы указывает на γ -лучи человеческой ауры как на недавно открытые и весьма мощные невидимые излучения.

После десятилетнего детальнейшего опыта проф. Юрьевич представил результаты своих исследований Международному психологическому конгрессу в Копенгагене.

Разница между человеческими эманациями и излучениями радия и рентгеновскими лучами заключается в том, что эманации человека гораздо тоньше и могут проникать через плотные стены, тогда как лучи рентгеновские и радия находятся в зависимости от определённой плотности тел, через которые они проникают. Так, эманации

эти преобразуют газовые струи, обычно не являющиеся проводниками, в замечательные проводники магнитной силы. Но их дальняя проводимость является главным основным свойством Υ -лучей. Вне всякой зависимости от расстояния и плотности, эти газовые струи приобретают качество проводимости под воздействием человеческих эманаций. Их дальняя проводимость и проникающая сила обусловлены космическим контактом человеческих эманаций, и потому допускается, что они обладают более мощным воздействием, нежели все другие лучи.

Кроме дальней проводимости и мощи проникновения Υ -лучи, проходя через плотные препятствия, могут производить и механические действия. Так, проникая через толстые металлические пластинки, Υ -лучи производят молекулярные отложения, как только лучи направлены сознательно-концентрированным способом. Во время определённых опытов они вызывают преломление световых волн. Также они могут быть фотографируемы. Υ -лучи ауры лежат в основании левитации и телекинетических феноменов. Труд проф. Юрьевича озаглавлен „ Υ -лучи как

проводники биофизической энергии“ и содержит пятьдесят фотографий его опытов».

Также в 1920 году вышла книга «Human Atmosphere» (аура) Вальтера Кильнера. Кильнеру удалось при помощи определённого химического состава, накладываемого на стекло, через которое он смотрит, уловить очертания ауры наблюдаемого субъекта.

Современная теория гипнотического внушения может быть найдена в следующем предании о Чуллапантхаке в палийских *Комментариях на Дхаммападу*.

«Чуллапантхака был учеником, овладевшим некоторыми силами. В тот же самый день Будда послал за ним. Когда посланный достиг общины, он увидел триста учеников, сидевших в одной группе, и каждый из них был точным воспроизведением другого. На его вопрос: „Где Чуллапантхака?“ — все триста как один ответили: „Я Чуллапантхака“. Посланный в полном смущении вернулся к Учителю, но Будда велел ему немедленно вернуться и, если подобное повторится, схватить за руку первую фигуру, которая назовётся Чуллапантхакой, и привести к нему».²⁷ Учи-

тель знал, что ученик захочет проявить свою приобретённую силу, внушив сознанию посланного иллюзорное изображение самого себя. Сила эта называется *маномайя-иддхи*, и, чтобы проявить её, Чуллапантхака должен был ясно, отчётливо представить в уме своё изображение, а затем внушить его в желаемом количестве сознанию посланного.

Таким же образом современные научные данные поддерживают теорию кармы, изложенную в буддизме. Современная наука учит, что каждое поколение людей являются наследниками отличительных особенностей предыдущих поколений, и не только в массе, но в каждом индивидуальном случае.

Психология находит себе полное основание в том исключительно сугубом внимании, которое Будда уделял мыслительным процессам, очищению и расширению сознания учеников, утверждая мысль первенствующим фактором эволюции всего сущего. Психологические процессы в буддизме тесно связаны с физиологией.

Буддизм не проводит определённой черты между психическими процессами и материей.

Психические процессы рассматриваются как проявления тончайших свойств материи.

В *Диалогах Будды* (часть 2) встречается указание на существование умственного тела, наряду с физическим, являющегося точным воспроизведением последнего. И это тонкое тело может быть выделено по желанию и может проявлять деятельность на дальних расстояниях.

«Сосредоточив таким образом свой ум и будучи вполне очищенным, совершенно свободным от скверны, и готовым к действию, твёрдым, невозмутимым, бхикшу направляет его к вызыванию своего умственного тела. Он вызывает из физического тела другое, тонкое тело, имеющее форму, состоящее из мыслительного вещества, имеющее все члены и части и все органы, соответствующие телу физическому. Это выделение напоминает как если бы человек вытягивал тростник из его оболочки. Он знает, что это тростник, а это его оболочка, и что тростник одна вещь, оболочка же другая. Именно из оболочки добывается тростник; точно так же и бхикшу выделяет из своего тела другое тело, имеющее форму и состоящее из вещества

мысли, имеющее все члены и части и все органы». ¹⁷

Утверждая неуничтожаемость энергии, Будда рассматривал всё сущее как агрегаты тончайших энергий.

Для современного нам физика движущей силой является материя, ибо восприятие материи человеком есть ответ его чувств на вибрацию энергии.

Что есть дхарма, как не энергия и вибрация?

Дхармы, по буддийскому учению, существуют для нас в силу их воздействий; все наши восприятия суть, прежде всего, дхармы.

Потому, переводя эту формулу на современный язык, мы можем сказать, что все наши ощущения являются исключительно действиями энергии, и энергия есть единая реальная сущность. Именно, современное энергетическое мировоззрение приближает нас к учению Гаутамы Будды.

Точно так же утверждения Благословенного о действии мысли на расстоянии предваряют наши изыскания в области телепатии и передачи мысли на расстоянии и беспроводного

телеграфа. Раз мысль есть энергия, то, как таковая, она подчинена тому же закону в своём действии, как и всякая иная энергия. Мы знаем, что волны Герца распространяются на тысячи миль без всяких проводов и могут быть уловлены любым согласно настроенным приёмником. Почему же тогда человек не может послать мысль — энергию, которая вызовет тождественные вибрации в человеке, восприимчивом к ним?

Итак, Будда является нашим предшественником во многих областях знания.

Будда также указал на различие между очевидностью и действительностью. Его сравнение очевидности с миражом или иллюзией (майя) годится для любой современной беседы.

Если эта великая мудрость будет изучаться непредубеждёнными умами в правильном освещении, она обогатит достояние и сознание человечества многими бесценными жемчужинами.

Философию буддизма можно назвать анализом отдельных элементов, вступающих в сочетание при образовании определённого индивидуального потока. Индивидуальный поток слагается и питается бесчисленными проявлениями челове-

ка на земле, в других планах и других мирах. Впитывая все особенности каждого проявления, поток этот растёт возможностями, видоизменяется, оставаясь вечно самодовлеющим. Истинная индивидуальность, истинное бессмертие заключается в осознании своего истинного Я, сложенного бесчисленными сочетаниями человеческих проявлений.

«Все заботы о личности тщетны; чувство личности есть мираж, все несчастья, постигающие её, прейдут. Они исчезнут, как кошмар, когда спящий проснётся».¹⁸

Человек в буддизме не несчастный пигмей, каким он является в представлении западного мышления, но владыка миров. Будучи частью и отображением Космоса, он, подобно ему, безграничен в своих возможностях.

Данные о мироздании, о существовании бесчисленных мировых систем, в вечном эволюционном движении проявляющихся и распадающихся, утверждения об обитаемости многочисленных миров и о полном соответствии организмов, населяющих эти миры, со свойствами и строением их планеты, совпадают с теми научными

проблемами, которые сейчас тревожат умы истинных учёных.

Итак, современная наука, совпадая с утверждениями основного буддизма, подтверждает всю реальную сущность этого впервые запечатлённого учения о реальности жизнетворчества великой материи.

Воздадим должное почитание этому великому Уму, который мощным духом проник в самые основы Бытия, разрешил проблемы жизни и указал на цель эволюции как сознательное сотрудничество с Космосом и общение с дальними мирами.

Ни одно учение не предусматривало развитие будущего с такой ясностью, как буддизм. Наряду с почитанием Будды, в буддизме развито почитание Бодхисаттв — будущих Будд. По преданию, Гаутама, перед достижением состояния Будды, в продолжение многих веков был Бодхисаттвой. Слово *Бодхисаттва* состоит из двух понятий: *Бодхи* — озарение или пробуждение, и *саттва* — сущность. Кто же эти Бодхисаттвы? Ученики Будд, добровольно отказавшиеся от личного освобождения и, по примеру Учителя, вступившие на долгий, тягостный, тернистый путь помощи человечеству. Подобные Бодхисаттвы проявляются на Земле среди самых различных жизненных условий. Физически ничем не отличаясь от остального человечества, они совершенно отличны по своей психологии, неизменно являясь носителями принципа общего блага.

Будда, устремляя все возможности к утверждению эволюции, заповедал своим ученикам почитать Будд будущих более, нежели Будд прошлого. «Так же как почитают молодой месяц больше, нежели полную луну, так же кто имеет веру в меня, должен почитать Бодхисаттв более, нежели Будд».²⁸

Подобного действенного примера самоотречения история нигде нам не указала. По словам предания, Благословенный утвердил своим приемником Бодхисаттву Майтрею.

«И сказал Благословенный Ананде: „Я не первый Будда, который пришёл на Землю, также не буду я последним. В должное время другой Будда восстанет в мире, Сокровенный, высшего озарения, одарённый мудростью, счастливый, вмещающий всю Вселенную, несравненный Вождь народов, Повелитель Дэв и смертных. Он откроет вам те же вечные истины, которые я преподал вам. Он установит свой Закон, преславный в его началах, преславный в его апофеозе и преславный у цели в духе и слове. Он возвестит праведную жизнь, совершенную и чистую, какую проповедую сейчас и я. Его ученики

будут исчисляться многими тысячами, тогда как мои лишь в сотнях“.

И спросил Ананда: „Как узнаем мы Его?“

Благословенный сказал: „Имя Его будет Майтрея“». ¹⁸

Грядущий Будда, Майтрея, как указывает его имя, — Будда Сострадания и Любви. Этот же Бодхисаттва, в силу присущих ему качеств, часто именуется Аджита — Непобедимый.

Интересно отметить, что почитание многих Бодхисаттв нашло развитие только в школе махаяны; тем не менее, почитание одного Бодхисаттвы, Майтреи, как преемника, избранного самим Буддой, принято и в хинаяне. Таким образом, один только Бодхисаттва Майтрея охватывает всё пространство, являясь выразителем всех чаяний буддизма.

Какими же качествами должны обладать Бодхисаттвы? В учении Гаутамы Будды и в учении Бодхисаттвы Майтреи, по преданию данному им Асанге в четвёртом веке (*Махаяна-Сутраланкара*), прежде всего было отмечено максимальное развитие энергии, мужества, терпения, постоянства устремления и бесстрашия. Энергия есть

основа всего, ибо в ней одной заложены все возможности.

«Будды вечно в действии; им неведома неподвижность; подобно вечному движению в пространстве, действия Сынов Победителей проявляются в мирах».

«Сильный, отважный, твёрдый в своей поступи, не отказывающийся от бремени принятия подвига Общего Блага».

«Три радости Бодхисаттв — счастье даяния, счастье помощи и счастье вечного познания. Терпение всегда, во всём и везде. Сыны Будд, Сыны Победителей, Бодхисаттвы в своём действенном сострадании — Матери всему существу».²⁹

По всему буддийскому краю, на придорожных скалах, указывают путь изображения Майтреи. От древнейших времён и донныне это изображение созидается буддистами, знающими приближение нового века. Почтенные ламы, в сопровождении учеников, художников и ваятелей, в наши дни путешествуют по буддийским землям, созидавая новые изображения символа чаяний светлого будущего.

Учение Будды должно быть проверено и дано на широкое пользование. В наше время странно думать об общине и не знать положений первого научного общинника. Рука Будды не знала покоя, слагая опыт мировой лаборатории. Одно то, что Будда заповедал мировую общину как эволюцию человечества, одно это сообщает его учению огненную убедительность.

В построении Будды можно двигаться по бесчисленным этажам, и двери везде будут открыты призывом общины. Точное знание Будды позволило ему определить точное состояние его современников и только в далёком будущем увидеть Общину Мира.

Уважение к Будде было таково, что никто не осложнил облик Учителя одеянием божественности. Будда запечатлелся Человеком, Учителем утверждающим. В этом львином, огненном утверждении он дошёл до предвидения Майтреи — символа века познания величия материи и утверждения великой Мировой Общины!

И сказал Благословенный: «Нужно различать понимающих и соглашающихся. Понявший Учение не замедлит применить его в жизни. Согласившийся будет кивать головой и превозносить Учение, как замечательную мудрость, но не применит эту мудрость в жизни.

Согласившихся много, но они, как сухой лес, бесплодны и без тени, только тление ожидает их.

Понявших мало, но они, как губка, впитывают драгоценное знание и готовы драгоценной влагой омыть скверны мира.

Понявший не может не применить Учение, ибо, понимая целесообразность, он получает его как исход жизни.

Не теряйте много времени на согласившихся, пусть сперва покажут применение первого зова».

Так приписывают Благословенному целесобразное отношение к приходящим. (Со слов устной традиции буддистов.)

Значит, очищение Учения будет не только в принятии основ, но и во введении их в жизнь. Отвлечённое понимание Учения Благословенного невозможно.

Насколько оно проникает в жизнь — мы видим, как целые страны отпадали от Учения, когда оно, вместо жизненных применений, обращалось в отвлечённые трактаты.

Такая действительность пригодна для наблюдения, как совершается умирание Учения.

В то же время можно видеть, какую победу совершает Учение в других странах, где мыслят о приложении основ к жизни.

Ту же задачу решают последователи хинаяны, становясь терпимее.

Будда, как источник, и Майтрея, как общая надежда, объединят суровых последователей южного учения с многообразием Севера.

Окончательно выступит наиболее существенное для ближайшего будущего. Вместо расцвеченных комментариев, Учение снова будет приведено в красоту ценности краткой убедительности. Новое время века Майтреи нуждается в убедительности. Вся жизнь должна быть очищена пламенем подвига!

Великий Будда, завещая Майтрею, дал путь всего существования. К этим мудрым и ясным Заветам зовёт явление новой эволюции.

Требование очищения Учения не случайно, сроки близятся. Изображение Майтреи готово подняться.

Все Будды прошлого сочетали мудрость опыта и передали её Благословенному Победителю!

Лама возглашает: «Да будет жизнь тверда, как алмаз; победоносна, как знамя Учителя; сильна, как орёл; и да длится вечно!»

ИСТОЧНИКИ

- ¹ Ашвагхоша. *Буддхачарита* (Жизнеописание Будды).
- ² *Ангуттара-никая*.
- ³ *Махавасту*.
- ⁴ *Махапариниббана-сутта* (*Дигха-никая* XVI).
- ⁵ *Фо со син цзань цзин* (китайский перевод *Буддхачариты* Ашвагхоши).
- ⁶ *Джатаки. Ниданакатха* (Введение).
- ⁷ *Виная. Чуллавагга*.
- ⁸ *Маджджхима-никая*.
- ⁹ *Виная. Сутта-вибханга*.
- ¹⁰ *Шикша-самуччая* (сост. Шантидэва).
- ¹¹ Шантидэва. *Бодхиچارьяватара*.
- ¹² *Сутта-нипата*.
- ¹³ *Самгютта-никая*.
- ¹⁴ *Милинда-паньха*.
- ¹⁵ *Дхаммапада*.
- ¹⁶ *Виная. Махавагга*.
- ¹⁷ *Дигха-никая*.
- ¹⁸ Кэрос П. *Евангелие Будды*.

- ¹⁹ *Итивуттака.*
- ²⁰ *Сутра из 42 статей.*
- ²¹ *Удана.*
- ²² *Катхаваттху.*
- ²³ *Саддхармапундарика.*
- ²⁴ *Мадхьямакавритти.*
- ²⁵ *Лалитавистара.*
- ²⁶ *Соэн Сяку. Проповеди буддийского настоятеля.*
- ²⁷ *Комментарии на Дхаммападу.*
- ²⁸ *Чандракирти. Мадхьямакаватара.*
- ²⁹ *Асанга. Махаяна-Сутраланкара.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

к 4-му изданию

Книга *Основы буддизма* впервые вышла в свет на русском языке весной 1927 года. Произошло это вскоре по прибытии из России в Монголию Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха 1925–1928 гг. Имя автора не указано; на обложке стоит 1926 г., на задней стороне надпись по-монгольски: «Улан-баторское издательство, отделение монгольского языка». Небольшая брошюра, которую Елена Ивановна Рерих (1879–1955) подготовила в буквальном смысле «на коне и в шатре» во время экспедиции, открывалась предисловием, с предваряющими словами: «Предисловие дано высоким лицом буддийского мира». Брошюра была обращена прежде всего к читателям в России того времени, где наблюдалась огромная тяга к знаниям, а отпечатать её там оказалось практически невозможно.

«Кончается печатание книг *Основы буддизма* и *Общее благо* [Община]. Трудно дать книге соответствующий облик в маленькой типографии. Прежний лама, теперь литограф, с любовью переписывает для книги „Будду Побеждающего“, с огненным мечом. Опять посланец правительства. Просят разрешение перевести на монгольский *Основы буддизма*», — записывает Николай Константинович Рерих в апреле 1927 года в дневник, из которого сложилась затем

его книга *Алтай—Гималаи*. Просьбу правительства Монголии передал Цыбен Жамцарано (1880–1942), выдающийся бурято-монгольский учёный и друг Н. К. Рериха.

В 1930 г. в Нью-Йорке вышло дополненное издание *Основ буддизма* на английском языке, под именем Наталии Рокотовой (псевдоним Е. И. Рерих).

«Если это не отяготит, то, конечно, хотелось бы видеть *Основы буддизма* изданными на русском языке, но не в большом количестве... Также мне хотелось бы поместить в этой книжке уже посланное вам Изображение Будды, находящееся в музее Сарнатха вблизи Бенареса, вместо Изображения с мечом, которое помещено в английском издании», — пишет Е. И. Рерих 29. 10. 1938 г. в Ригу Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину. Присланный из Индии манускрипт был перепечатан на машинке членами Латвийского общества имени Рериха, и этот литографированный текст вышел в виде книги (2-е русское издание). В ней нет никаких упоминаний о первом издании, в выходных данных указан только год — 1940. Несколько месяцев спустя Общество было принудительно распущено, и вопрос о русских изданиях отпал на долгие годы.

«Это время была занята, добавляла существенные страницы к *Основам буддизма*, которые будут издаваться здесь, в Индии, в Маха Bodhi Society¹. Все очень любят

¹ Общество Маха-Бодхи, основано в 1881 г. в Калькутте с целью распространения буддизма. — Г.Т.

эту книгу», — сообщает Е. И. Рерих нью-йоркским сотрудникам 13. 9. 1948 г. А незадолго перед тем делится своей болью: «... Монахи [здесь] крайне нуждаются в книгах по буддизму и так бедны!» (30. 7. 1948)². И в следующем письме: «Здесь эта книга очень нужна. Новое издание не сможет появиться так скоро, ибо вопрос бумаги стоит остро. Я уже закончила все добавления и отослала их» (27. 9. 1948). Снова и снова напоминая, что достопочтенный Дхаммалока из общества Маха-Бодхи с нетерпением ожидает обещанные сто экземпляров прежнего английского издания, она прибавляет (22. 10. 1948): «Сейчас замечается повышение интереса к буддизму, а книг призывных для подходящих — нет». Дополнения в авторский текст обыкновенно делались вначале по-русски; добавленное же из английских источников на русский не переводилось. В начале 1949 года директор Института гималайских исследований «Урусвати» Юрий Николаевич Рерих, которому девять лет спустя предстояло возродить и возглавить все буддологические исследования в Советском Союзе, присылает достопочтенному Дхаммалоке эскизы титульного листа для предстоящего издания *Основ буддизма* в Калькутте. Тогда же Е. И. Рерих пишет в Южную Америку: «Да, буддизм несомненно возродится. ... Нужно осторожно выпускать труды по буддизму, чтобы не понизить установленный сейчас высокий уровень понимания

² Подлинник письма на английском, перевод наш.

этого великого Учения трудами проф. Лакшми Нарассу *Сущность Буддизма; Готама Будда*, проф. С. Радхакришнан; [О.]Розенберг, *Философия Буддизма*³...» (12. 1. 1949). Вскоре, после переезда из-под Бомбея в Калимпонг, она сообщает в Нью-Йорк: «Не скрывайте имени автора этой книги, теперь это ни к чему. В новом издании она появится с моим именем. Я была тронута, когда генеральный секретарь Буддийского Общества Mahabodhi посетил меня в Калькутте с двумя бикшу-учёными и сказал мне, что *Foundations of Buddhism [Основы буддизма]*— лучшая книга по буддизму, лучше, чем книга проф. L. Narassou, ибо в ней яснее изложена трудная доктрина перевоплощения. Итак, можно смело рекомендовать её всем интересующимся буддизмом» (9. 3. 1949). Однако сложности с книгоизданием привели к тому, что в июле 1950 г. Е. И. Рерих просит спешно отправить из Америки для Маха-Бодхи оставшуюся часть прежнего английского тиража *Основ* (судя по всему, несколько сотен экземпляров). Таким образом вопрос разрешился без печатания в Индии; намеченные же добавления увидели свет много позже, во втором английском издании (Нью-Йорк, 1971).

³ Lakshmi Narasu, P. *The Essence of Buddhism*. Bombay, 1948 (3-е изд., испр. и доп.; 1-е изд., с предисл. Анагарики Дхармапалы, — Madras, 1907); Radhakrishnan S. *Gautama the Buddha*. Bombay, 1945; 1946; 1949 (1-я публ.: British Academy, *Proceedings*, 1938. L., 1939. T. 24. С. 143–190); Розенберг О. — см. наст. приложение, с. 184. — Г.Т.

Менее чем за год до своего ухода Е. И. Рерих обращается в Нью-Йорк: «... Большая просьба достать для меня книгу „The Gospel of Buddha“ by Paul Carus [Евангелие Будды Пауля Кэроса⁴]. Издание чикагское. ... Это прекрасная книжечка, сборник легенд о Будде, и я пользовалась ею для „Основ Буддизма“. И сейчас она мне *очень нужна*, ибо расширяю русское издание и хочу добавить нужные мне легенды. ... Если возможно, пришлите книжечку Каруса поскорее...» (2. II. 1954) — и спустя два месяца благодарит за присланную книжку.

Современное русское издание *Угунса* опирается на публикацию в сборниках «Свет Огня» (Рига. № 5. 1990. С. 39–59; № 6. 1994. С. 15–35), а также дополнительные архивные материалы Е. И. Рерих. В основе лежит рижское издание 1940 г.; добавления из 2-го английского издания (1971) даны в авторской русской редакции (когда она имеется⁵); английские цитаты при переводе на русский дополнительно сверены с источниками. Замеченные погрешности выправлены с учётом всех вышеназванных изданий, писем Е. И. Рерих и других материалов из её архива.⁶

⁴ См. наст. приложение, с. 180–181.

⁵ Ввиду отсутствия таковой, выдержки из книги П. Кэроса (на с. 77–86, 88–89, 116, с вводными фразами; на с. 110–111, кроме первого абз.) и полный абзац на с. 135 переведены с английского нами. Для настоящего издания эти переводы пересмотрены заново.

⁶ Первый шаг в этом направлении был сделан в середине 80-х гг., когда был подготовлен машинописный макет, отпечатанный типографским

Как известно, древнейшие буддийские тексты, дошедшие до нас, написаны частью на пали и частью на санскрите. Так что в книге по буддизму, и особенно при наличии многих выдержек из Канона (как в данном случае), невозможно уйти от проблемы выбора между палийской и санскритской лексикой. Если бы строго следовать языку первоисточника, то многие наименования появлялись бы в тексте то в санскритском, то в палийском варианте, и в книге для тех, кто только ещё подходит к учению Будды, такое «двоение» малознакомых слов едва ли оправданно. Е. И. Рерих неизменно уделяла большое внимание тому, чтобы написание разноязычных названий и терминов в её трудах отвечало наиболее авторитетным современным научным публикациям. Следуя такому подходу, сегодня, спустя более полувека после 2-го русского издания, в цитатах и в тексте от автора была повсеместно оставлена санскритская лексика, как преобладающая и в издании 1940 г., и в научных трудах по буддизму. Лишь

способом в уменьшенном виде в форме небольших книжечек (160 с.), которые имели хождение среди ограниченного круга лиц. От издания 1940 г. этот текст отличают переводы из дополненного английского издания (что оговорено в примечании), список источников и указатель также по образцу книги 1971 г., иллюстрации (из книг 1927 и 1930 гг.). Титульный лист, хотя и текстуально повторяя рижское издание, тем не менее отличался графически и имел знак «Майтрея Сангха».

Иногда этот вариант (не имеющий самостоятельного значения) воспроизводят как издание 1940 г. (Новосиб., 1990; 2001) или переименовывают по-своему (Путиами Духа. М., 1999. С. 19–126).

несколько палийских наименований сохранены в авторском тексте как более употребительные; параллельные формы (санскрит — пали) отражены в указателе.

Помещённая в приложении избранная библиография одновременно служит и указателем цитат из соответствующих источников.

К *Основам буддизма* Е. И. Рерих возвращалась неоднократно на протяжении тридцати лет, дополняя свой труд и уточняя отдельные формулировки. В настоящем издании книга представлена в наиболее полном, итоговом виде — т. е. по состоянию на середину 50-х гг. Ввиду такой датировки, опущен лишь один фрагмент (ниже он выделен курсивом) издания 1940 г., из заключительной части книги:

«... Мы видим, как целые страны отпадали от Учения, когда оно, вместо жизненных применений, обращалось в отвлечённые трактаты. Теперь поразительный пример такого извращения и отпадения являет Тибет. Даже учение бон усилилось, как реакция против уродливого извращения буддизма.

Таши-лама признал невозможным остаться среди предателей Учения. По его примеру отошли из Тибета многие лучшие ламы. Без этих образованных лам Тибет погряз в преступном невежестве.

Такая действительность пригодна для наблюдения, как совершается умирание Учения».

В английских изданиях книги из этой поучительной оценки состояния Тибета конца 20-х–30-х гг. XX века изъяты все резкие эпитеты. А к 50-м гг. в Тибете были новые Далай-лама (р. 1935) и Таши-лама (р. 1938); китайские войска оккупировали страну, жестоко подавляя малейшие проявления недовольства. Так что, если бы тогда могла идти речь о русском издании, фрагмент этот, очевидно, был бы опущен как относящийся к временам уже минувшим.

Невозможно не обратить внимание на то, что в этой сравнительно небольшой работе, адресованной прежде всего тем, кто ещё только знакомится с учением Будды, так или иначе отражены труды наиболее авторитетных исследователей буддизма 2-й половины XIX — 1-й трети XX вв. Шлоки буддийского Канона органично сочетаются здесь с положениями из работ выдающихся современных представителей буддизма стран Востока (Анагарика Дхармапала, Соэн Сяку) и признанных популяризаторов буддийского учения (П. Кэрос, Ньянатилока, Силачара); крупнейших буддологов Запада (Г. Гримм, М. Мюллер, Г. Ольденберг, Р. Пишель, Т. Рис-Дэвидс, У. Рокхилл, Э. Сенар, Э. Томас) и учёных России (В. Васильев, И. Минаев, О. Розенберг, Ф. Щербатской); основателей Теософского общества (Е. Блаватская, Г. Олкотт); древнейшей устной традиции, запечатлённой в Учении Живой Этики; выдержками из естественно-научных исследований (К. Рейхенбах, В. Кильнер, С. Юрьевич).

Причём ни этот перечень имён, ни приведённые ссылки на их труды, как и на буддийские канонические тексты (см. библиографию) — то, что нам удалось проследить, — нельзя считать исчерпывающими. Сведения эти по большей части, как и настоящее имя автора-составителя, в прижизненных изданиях книги были опущены — очевидно, как имеющие второстепенное значение в изложении Основ Учения. Однако они позволяют лучше понять, насколько серьёзно подходила Елена Ивановна Рерих к этой работе, оценить объём и широту охвата использованных ею источников.

Редакция благодарна А. В. Парибку и А. А. Терентьеву за полезные советы и ряд сведений библиографического характера.

© Туранов Г., 2003, с изменениями

БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕРЕВОДЫ БУДДИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ НА ЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Наряду с изданиями, использованными в настоящей книге, выборочно приводятся и другие, в том числе более поздние основные переводы, а также переводы на русский язык. В косых скобках указаны даты переизданий (по преимуществу последних).

В перечне страниц, на которых процитирован данный источник, в скобках указан раздел источника или страница первого из перечисленных переводов.

Сокращения: *SBB* — *Sacred Books of the Buddhists*;
SBE — *Sacred Books of the East*.

Ангуттара-никая — *The Book of the Gradual Sayings (Anguttara-Nikāya)*. Tr. F. L. Woodward, E. M. Hare. V. 1–5. L., 1932–1936 /1979/. — 13–15 (III. 38), 33, 42, 95–96 (VI. 55), 99 (IV. 13), 104 (I. 20)

Боддхичарьяватара (Шантидэва) — Śāntideva. *Bodhicaryāvatāra*. Tr. L. de la Vallée Poussin. Paris, 1907; *The Path of Light*. Tr. L. D. Barnett. L., 1909 /1947/; *Entering the Path of Enlightenment*. Tr. M. Matics. NY, 1970; *Shantideva. A Guide to the Bodhisattva's Way of Life*. Tr. S. Batchelor, Sherpa Tulku. Dharamsala, 1979. — 34 (VII. 24), 113 (VI. 31)

Буддхачарита (Ашвагхоша) — *Buddhist Mahāyāna Texts. The Buddhakarita of Asvaghosha*. Tr. E. B. Cowell. Oxf., 1894 /1985/ (SBE XLIX, 1); *Асвагоша. Жизнь Будды*. Пер. К. Бальмонта. М., 1913 /М., 1990/; *The Buddhacarita or Acts of the Buddha*. Tr. E. H. Johnston. Lahore, 1936 /1984/. — 13 (V. 84), 19 (III. 54), 95 (XII. 103–104)

- Виная. Махавагга* — Vinaya Texts. Tr. T. W. Rhys Davids, H. Oldenberg. L., 1881–1882 /1982/ (SBE XIII, XVII); The Book of the Discipline. Tr. I. B. Horner. V. 4. L., 1951 /1982/ (SBB XIV). — 55 (V. 1. 14, 29–30), 55–57 (VIII. 26. 1–4), 90 (I. 5. 7)
- Виная. Сутта-вибханга* — The Book of the Discipline. Tr. I. B. Horner. V. 1–3. L., 1938–1942 /1982–1983/ (SBB X, XI, XIII). — 33 (I. 1. 4)
- Виная. Чуллавагга* — Vinaya Texts. V. 2–3. Tr. T. W. Rhys Davids, H. Oldenberg. L., 1882–1885 /1982/ (SBE XVII, XX); The Book of the Discipline. Tr. I. B. Horner. V. 5. L., 1952 /1988/ (SBB XX). — 30 (VII. 3), 89 (X. 1. 3)
- Джатаки* — Buddhist Birth Stories, or Jātaka Tales. Tr. T. W. Rhys Davids. V. 1. L., 1880 (revised by C. A. F. Rhys Davids — L., 1925). — 22–26 (C. 5–6), 73–74 (C. 22, 24)
- Дигха-никая* — Dialogues of the Buddha. Tr. T. W. & C. A. F. Rhys Davids. V. 1–3. L., 1899–1921 /1977/ (SBB II–IV). — 66 (II. 44), 87–88 (II. 43), 152–153 (II. 85), 159 (XXVI. 25). См. также *Махапариниббана-сутта*.
- Дхаммапада* — Dhammapada. Tr. F. Max Müller. L., 1881 /1988/ (SBE X, 1); Путь к Истине (Dhammapada). Пер. с англ. Н. Герасимова. М., 1898; Дхаммапада. Пер. В. Н. Топорова. Отв. ред. Ю. Н. Рерих. М., 1960 /Рига, 1991; Самара, 1998/. — 53–54 (260–261), 59 (66, 64, 60), 63 (266, 9), 63–64 (1, 2, 42), 64–65 (21, 38, 33, 13, 31), 66 (80), 67 (5, 3, 253), 87 (129), 91 (165), 98 (252), 98–99 (51), 127 (127, 125, 71)
- Итивуттака* — Sayings of Buddha, The Iti-Vuttaka. Tr. T. H. Moore. NY, 1908; Minor Antologies of the Pali Canon. V. 2. Itivuttaka: As It Was Said. Tr. F. L. Woodward. L., 1935 /1987/ (SBB VIII). — 92 (III. v. iii), 104–105 (I. iii. vii)

- Катхаваттху* — Points of Controversy or Subjects of Discourse. Tr. S.Z. Aung, C. A. F. Rhys Davids. L., 1915 /1979/. — 125 (VIII. 9. 36)
- Комментарии на Дхаммападу* — Buddhist Legends. Tr. from the original Pali text of the *Dhammapada Commentary*. V. 1-3. Tr. E.W. Burlingame. Cambridge, 1921 /1979/. — 150 (T. 2. C. 304-305)
- Лалитавистара* — Le Lalitavistara. Tr. Ph. Ed. Foucaux. Paris, 1848; The Lalita Vistara. Tr. R. Mitra. Bibliotheca Indica, new ser. V. 90 (1-я публ. — JASB, 1881-1886); Lalita Vistara. Tr. Germ. by S. Lefmann. Berl., 1874; The Voice of Buddha. Tr. G. Bays. V. 1-2. Berkeley, 1983. — 132
- Маджджхима-никая* — Further Dialogues of the Buddha. Tr. R. Chalmers. V. 1-2. L., 1926-1927 (SBB V-VI); The Collection of the Middle-Length Sayings. Tr. I. B. Horner. L., 1954-1959 /1975-1987/. — 32 (71), 36-37 (63), 49-51 (22), 60-61 (95), 62-63 (7, 40), 63 (56), 64 (105), 90 (26), 91 (107), 92 (95), 92-93 (38), 93 (7), 96 (62), 97 (5), 101 (58), 105-106 (21), 126 (135, 57), 144 (98)
- Мадхьямакаватара* (Чандракирти) — Madhyamakāvātāra. Tr. L. de la Vallée Poussin // Le Muséon. 1907. V. 8. P. 249-317; 1910. V. 11. P. 271-358; 1911. V. 12. P. 235-328; Huntington C.W., Wangchen Geshe. The Emptiness of Emptiness: An Introduction to Early Indian Madhyamika. U. of Hawaii Press, 1989. — 158 (I)
- Махавасту* — Mahavastu. Tr. J. J. Jones. V. 1-3. L., 1949-1956 /1976-1987/ (SBB XVII-XIX). — 15-16 (T. 2. C. 42), 126 (T. 1. C. 246)
- Махапариниббана-сутта* — Dialogues of the Buddha. V. 2. L., 1910 /1977/ (SBB III); Буддийские Сутты. Пер. с англ. Н. И. Герасимова. М., 1900; Buddhist Suttas. Tr. T. W. Rhys Davids. Oxf., 1881

- /1980/ (SBE XI).— 19 (V. 27), 57 (VI. 3), 101–103 (IV. 14–20, 42–3), 133 (III. 43, 45), 146 (IV. 37)
- Махаяна-Сутраланкара* (Асанга) — Asanga. Mahāyāna-Sūtrā-lamkāra. V. 2. Tr. S. Lévi. Paris, 1911; Asanga. Mahāyāna-sūtrālamkāra. Tr. S.V. Limaye. Delhi, 1992. — 159–160
- Милинда-панъха* — The Questions of King Milinda. Tr. T. W. Rhys Davids. V. 1–2. Oxf., 1890–1894 /1988/ (SBE XXXV–XXXVI); Milinda's Questions. Tr. I. B. Horner. V. 1–2. L., 1963–1964 (SBB XXII–XXIII); Вопросы Милинды. Пер. А. В. Парибка. М., 1989. — 52 (II. 1), 73 (IV. 3. 22), 86 (VII. 4. 32), 132 (V) (В русском переводе книги IV–VII имеют номер на единицу меньше.)
- Саддхарманундарика* — Saddharma-Pundarika or The Lotus of True Law. Tr. H. Kern. Oxf., 1884 /1980/ (SBE XXI); The Threefold Lotus Sutra. Tokyo, 1975 /1987/. — 131 (III. 38)
- Самъютта-никая* — The Book of Kindred Sayings. Tr. C. A. F. Rhys Davids, F. L. Woodward. V. 1–5. L., 1917–1930 /1979/. — 37–38 (LVI. 31), 90 (V. 2), 98 (VI. 2. 4)
- Сутра из 42 статей* — Beal S. A Catena of Buddhist Scriptures from the Chinese. L., 1871. P. 190–203; Le Sūtra en 42 articles. Tr. H.-L. Feer. Paris, 1878. Soyen Shaku. Sermons of a Buddhist Abbot. Chicago, 1906 /1971/. P. 3–21; General Explanation of the Buddha Speaks: Sutra in Forty-Two Sections. Tr. Hsüan Hua. San Francisco, 1977. — 93 (9), 128–129 (7–8)
- Сутта-нипата* — Sutta-Nipata. Tr. V. Fausböll. Oxf., 1881 /1988/ (SBE X, 2); Сутта-Нипата. Пер. с англ. Н. И. Герасимова. М., 1899. — 34 (79), 104 (148–149; Метта-сутта 7–8)
- Удана* — The Udana, or The Solemn Utterances of the Buddha. Tr. D. M. Strong. L., 1902; Minor Anthologies of the Pali Canon. V. 2.

Udāna: Verses of Uplift. Tr. F.L.Woodward. L., 1935 /1987/ (SBB VIII). — 93 (I. ix)

Фо со син цзань цзин — Fo-Sho-Hing-Tsan-King. A Life of Buddha. Tr. S. Beal. Oxf., 1883 /1984/ (SBE XIX). — 22–26 (342–349), 100 (1514–1515, 1510–1512), 107 (1632), III–III2 (1483, 1485)

Шикша-самуччая — Śikshā-Samuccaya. Tr. C. Bendall & W. H. D. Rouse. L., 1922 /1981/. — 33–34 (C. 286), 63 (C. 191), 123 (C. 315)

НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ

Барадюк Ипполит — Baraduc Hippolyte (1850–1902), французский врач-невропатолог, автор нескольких монографий. См. о нём: Ребус. М., 1911. № 37. С. 3; 1912. № 37. С. 5. — 147

Кильнер Вальтер (Килнер Уолтер Джон) — Kilner W. J. The Human Atmosphere (The Aura). L., 1920 (2-е изд., пересмотр. и расширенное; 1-е изд. — L., NY, [1911]) /NY, 1965; Secaucus (N. J.), 1980/. См. о нём: Ребус. М., 1911. № 28. С. 5; № 36. С. 7–9; 1912. № 7. С. 5–6; 1913. № 19. С. 3–4; 1915. № 27. С. 4–5. — 150

Кэрос Пауль (Пол) — Carus P. The Gospel of Buddha. Chicago, 1894 (9-е изд. — L., 1904) /Madras, 1987; 1991/. — 22–26 (VI–VII), 67 (XXXVII. 12–13, 15), 70–72 (L), 73 (XLII. 13–14), 75–77 (XXV. 12–20), 77–86 (LI), 88–89 (LXXXI. 7–10), 110–111 (XXV. 5–11), 116 (LII. 7), 120 (LIII. 5), 155 (XVI. 25), 158–159 (XCVI. 13–15).

Такое количество выдержек из этой книги не случайно. Вышедшая вскоре после Всемирного Конгресса религий (Чикаго, 1893), она имела необычайный успех. П. Кэрос (1852–

1919) постарался собрать в одном томе всё лучшее из европейских переводов буддийских писаний. Стремясь «представить буддизм современным, в его наиболее благородном виде», он вносил в переводы некоторые изменения; по этой причине буддологи не воспринимали его книгу как научную. В то же время на Востоке её оценивали очень высоко. Известно, что Анагарика Дхармапала (1864–1933), реформатор буддизма тхеравады и основатель общества Маха-Бодхи, строил некоторые свои лекции целиком на материале этого произведения. «Полагаю, что среди европейских учёных вы единственный, кто передаёт учение надлежащим образом», — написал он автору. Другой буддийский лидер Соэн Сяку, настоятель монастырей Энгакудзи и Кэнтёдзи в Камакуре, сообщал П. Кэросу в ноябре того же 1894 г., что книга переведена на японский язык его учеником Дайсэцу Т. Судзуки и что по ней изучают основы буддизма в Токийском императорском университете. Сам Д. Т. Судзуки (1870–1966), проработавший затем у Кэроса в его издательстве «Open Court» в Ла Салле (США) одиннадцать лет, в конце 50-х годов вспоминал: «До публикации *Евангелия Будды* трактовок буддизма (на Западе. — Г. Т.) были либо слишком наукообразны, либо слишком популярны. Д-р Кэрос сочетал дух науки и философии, а его благожелательное отношение выражало собой нечто большее, чем простой интерес. Таким образом, он сумел не обратиться в фанатичного последователя и представил буддизм беспристрастно и правильно».

Не упоминаемая в научной литературе, эта книга, при всём её значении, в России практически неизвестна, как и сам её автор. В США не так давно вышла новая монография о его жизни и творчестве: Henderson H. *Catalyst for Controversy. Paul Carus of Open Court*. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1993.

Мар-Галитту — Mar-Galittu, von [Reimann Johanna P.]. *Magnetische Aura des kosmischen Menschen*. Trier, 1922. — 148–150

Рейхенбах Карл — Reichenbach K., Baron von. *Researches on Magnetism, Electricity, Heat, Light, etc. ... in their Relations to the Vital Force*. Tr. of the original German work of 1845 by Dr. W. Grerory. L., 1850. — 147

Сенар Э. — Senart E. *Essai sur la legende du Bouddha*. P., 1882. — 28

Соэн Сяку — Soyen Shaku. *Sermons of a Buddhist Abbot*. Chicago, 1906 /NY, 1971/. — 132 (C. 28)

Фа Сянь — *The Travels of Fa-hsien (319–414 A. D.) or Record of the Buddhistic Kingdoms*. Cambridge, 1923. (Рус. пер.: Фа Сянь. *Записки о буддийских странах // История и культура Древней Индии: Тексты*. М., 1990. С. 300–352.) — 27

Щербатской Ф. И. *Философское учение буддизма*. Пг., 1919 (переизд. в сб.: *Жизнь Будды, индийского Учителя Жизни*. Самара, 1998). — 140–141 (C. 48)

Юрьевич С. А. — Youriévitsh Serge. *Les Rayons Y — Conductibilité Electrique et Energie bio-physique (Résumé) // Compte rendu officiel du Premier Congrès International des Recherches Psychiques à Copenhague, 26 Août–2 Septembre 1921*. Copenhague, 1922. С. 334–335. См. о нём: *Свет Огня*. №7 (готовится к печати). — 148–150

* * *

Anagārika Dharmapala. *What did the Lord Buddha teach?* Calcutta, 1909.

Blavatsky H. P. *Shakya Muni's Place in History // The Theosophist*. Madras. 1883. Ноябрь. Т. 5. №1 (49). С. 39–42; *The Mystery of Buddha. «Reincarnations» of Buddha // The Secret Doctrine*. Т. 3.

- L., 1921 (1-е изд. — L.—Chicago—Benares, 1897). С. 382, 391 (перепеч.: Blavatsky Н.Р. Collected Writings: В 15 т. Wheaton—Madras—L., 1950—1991. Т. 5. 1950 /1984/. С. 246—255; Т. 14. 1985. С. 395—396, 405).
- Grimm George. The Doctrine of the Buddha. Berlin, 1958 (2-е англ. изд.; 1-е англ. изд., пер. с нем. — Lpz., 1926; 1-е нем. изд. — München, 1915). С. 26, 45—46, 49, 190, 194, 348—349, 354, 361.
- The Mahatma Letters to A. P. Sinnett from the Mahatmas M.&K. H. L.—NY, 1926 (2-е изд., испр.; 1-е изд. — 1923) /Pasadena, CA, 1992/. С. 112.
- Müller M. A History of Ancient Sanskrit Literature. L., 1859 (2-е изд.). С. 266.
- Nyanatiloka. Fundamentals of Buddhism. Colombo, 1949. С. 30—32, 43.
- Nyanatiloka Mahathera. Sutta-pitaka. The Word of the Buddha. Colombo, 1927 /Kandi, Ceylon, 1981/ (1-е англ. изд., пер. с нем. — Rangoon, 1907; рус. пер.: Ньянатилока Бхиккху. Слово Будды. СПб., 1907). С. 16, 20—21, 27, 37—39, 42, 49.
- Olcott H. S. A Buddhist Catechism. L., [1887] (40-е изд., испр. и расшир. — Adyar, 1904; 1-е изд. — Colombo, 1881; рус. пер.: Олькотт Г. С. Буддийский катехизис. СПб., 1902). С. 25—26, 33, 46, 51, 55, 57—58, 61, 63—64.
- Oldenberg H. Buddha, sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde. Berlin, 1881 (5-е изд. — 1906; англ. пер.: L., 1882). — Рус. пер.: Ольденберг Г. Будда, его жизнь, учение и община. М., 1898 (5 изданий с 1890 по 1905). С. 140, 170, 191—192, 271, 278, 299—300, 317—318, 338.
- Pischel R. Leben und Lehre des Buddha. Lpz., 1906 (2-е изд. — 1910). — Рус. пер.: Пишель Р. Будда, его жизнь и учение. М., 1911 /репринт: М., 1991/. С. 21—28, 42, 108, 114.

- Rhys Davids T.W. Buddhism. Its History and Literature. NY-L., 1909 (1-е изд. — NY-L., 1896; рус. пер. под ред. С. Ф. Ольденбурга: Рис Дэвидс Т. В. Буддизм. СПб., 1899). С. 145, 149, 176.
- Rockhill W.W. The Life of the Buddha and the Early History of his Order, derived from Tibetan Works. L., 1907 (1-е изд. — 1872; 2-е изд. — 1884). С. 19-24, 130.
- Sīlācāra Bhikkhu. Kamma. L., 1929. С. 9, 10.
- Thomas E. J. The Life of Buddha as Legend and History. L.-NY, 1927. С. 20, 27, 38, 43, 45, 47, 51-54, 108.
- Васильев В. П. Буддизм. Его догматы, история и литература. Ч. I. Общее обозрение. СПб., 1857. С. 87, 110, 128.
- Криптограммы Востока. Р.: Угунс, 1999 (1-е изд. — Сент-Илер Ж. Криптограммы Востока. Париж, 1929). С. 17-21, 32, 35-36.
- Минаев И. Буддизм. Исследования и материалы. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1887. С. 225.
- Розенберг О. О. Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Ч. 2. Проблемы буддийской философии. Пг., 1918 (переизд. в сб.: Розенберг О. О. Труды по буддизму. М., 1991). С. 60, 229.

УКАЗАТЕЛЬ

имён, географических названий и терминов

Слова *Благословенный, Будда, Гаутама* в указателе не отражены.

Сокращения: *п.* — пали;
ск. — санскрит;
тиб. — тибетский.

- Абсолют 110–1
Аватар(а) 10
авидья (*ск.*; *п.* — авиджджа)
44
Аджита (*ск.*, *п.*) 159
Акаша (*ск.*; *п.* — Акаса) 143
Алтай 138
Америка 147
Ананда (*ск.*, *п.*) 30, 55–7,
102–3, 146, 158–9
Анатхапиндика (*ск.* также
Анатхапиндада; *п.*) 74–5
ангелы 19 *см. также* боги,
Дэвы
Архат (*ск.*; *п.* — Арахат) 18,
41, 49, 89
Асанга 159
Асита, Риши (*ск.*; *п.* — Кала-
Дэвала, Иси) 11
аура 147–9, 150
Ашвагоша 13
Ашока 28
Барадюк И. 147; 180
Бенарес (Варанаси) (*ск.*;
п. — Баранаси) 14, 27
Берлин 147
Бирма (совр. Мьянма) 7
Бог 5, 109–10, 140–1; личный
8, 92, 109; боги 19, 25, 82
Бодх-Гая 27
бодхи (*ск.*, *п.*) 157
Бодхисаттва (*ск.*; *п.* — Бодхи-
сатта) 11, 15–9, 24, 26,
157–60
Будда (*ск.*, *п.*), не есть имя
32
бхава (*ск.*, *п.*) 45
Бхагаван (*ск.*), Бхагават (*п.*)
7, 24
бхикшу (*ск.*; *п.* — бхиккху)
55–7, 65, 73, 76, 87, 152
Вайшали (*ск.*; *п.* — Весали)
7, 85, 133

Вачча (п.) 32
ведана (ск., п.) 44, 119–20
Веды 12
виджняна (ск., в Индии
произносится *вигьяна*;
п. — *виньяна*) 44, 119–20
Виная (ск., п.) 140

Гандак, р. 27
Гая 93
Гималаи 10, 27

Девадатта или Дэвадатта
(ск., п.) 17, 30, 34
Джамбунада (ск., п.) 88
джара-марана (ск., п.) 45
джати (ск., п.) 45
Джина (ск., п.) 7
Джнятапутра (ск.; п. — На-
тапутта) 77–8
дуканг (тиб. 'du-khang) 8
Дхарма (ск.; п. — Дхамма)
51, 76–8, 80, 85–6, 117
дхарма 112, 114, 117–9, 121, 125,
153; есть энергия 118, 153
Дхарма-радж(а) (ск.;
п. — Дхаммараджа) 24

Дэва (ск., п.) 11, 158
иддхи (п.; ск. — сиддхи):
–видха 145, маномайя
(*manas + māyā*)¹ 151
Икшваку (ск.; п. — Оккака)
10
Индия 7, 27, 30, 35, 89, 138;
Северная 7, 10, 27
Индокитай (совр. Вьетнам,
Кампучия, Лаос) 7
Ишвара (ск.; п. — Иссара)
110–1

Какушта (ск.; п. — Какут-
тха), р. 102
Камакура (Япония) 132
Канишка 28
Канон (буддийский) 13, 59;
176–80
Кантхака, конь 26
Капила (ск., п.) 13
Капилавасту (ск.; п. — Капи-
лаваттху) 9–11, 13, 27
карма (ск.; п. — камма) 44,
114, 122–3, 125–7, 129–30, 151;
закон 73, 109, 115, 126, 130,
134, 144; изменение 130

¹ См., например: Nyānatiloka. Buddhist Dictionary. Manual of Buddhist Terms and Doctrines. Colombo, 1950. С. 94.

- Каушамби (ск.; п. — Косамби) 37
- Кильнер В. (Килнер У.) 150; 180
- Китай 7
- Копенгаген 148
- Коршуна, *вершина* (ск. — Гридхракута) 133
- Кушинагара (ск.; п. — Кусинара) 27, 102
- Лев — Синха (ск.) 7, 34, 41, 69, 137
- Лондон 147
- Лумбини, *роща* 11
- Майтрея (ск.; п. — Меттея) 158–61, 163–4
- Майя, мать Будды 10–1
- майя (ск., п.), иллюзия, обольщение 20, 45, 47, 49, 51, 76, 84, 154
- Малункья(путта) (п.) 36
- маномайя-иддхи см. иддхи
- Мара (ск., п.) 89–90, 98
- Мар-Галитту см. Рейман
- махаяна 7, 159
- Международный конгресс психических исследова-
- ний (1-й; Копенгаген, 1921) 148
- Милинда (п.), Менандр 52
- Монголия 7
- Москва 148
- Нагасена (ск., п.) 52
- нама-рупа (ск., п.) 44
- Непал, непальские тераи 8, 28
- ниданы (ск., п.), двенадцать 43–5, 115
- ниргрантха (ск.; п. — нигантха) 77, 86
- Нирвана (ск.; п. — Ниббана) 21, 23, 38, 50–1, 75, 91, 100, 103, 115–6, 118, 124; что есть 47; достижение, путь в 76–7, 90–1, 116
- Пава (ск., п.) 101
- Париж 147
- Патна (совр.; ск. — Паталипутра; п. — Паталипутта) 7
- Пешавар 28
- Пиправа 28
- Праджапати (ск.; п. — Паджапати) 12, 22

- Раджагриха (ск.; п. — Раджагаха) 7, 70, 74, 133
 Разбойника, скала 133
 Рахула (ск., п.), сын Будды 18, 25–6, 96
 Рейман Й. П. (псевд. — Мар-Галитту) 148; 182
 Рейхенбах К., фон 147; 182
 Россия 7
 рупа (ск., п.) 119–20, 123
- санскара (ск.; п. — санкхара) 44, 119–20
 Сангха (ск., п.) 139
 санджня (ск., в Индии произносится *сангня*; п. — сання) 119–20
 санкхья, философия 13
 Сарнатх 27, 137
 саттва (ск.; п. — сатта) 157
 Саттха (п.; ск. — Шастар) 7
 Сенар Э. 28; 182
 Сиам (совр. Таиланд) 7
 Сиддхартха (ск.; п. — Сиддхаттха) 10, 13, 22, 24–5
 Синха (ск.; п. — Сиха), генерал 77–80, 83–6
 скандха (ск.; п. — кхандха) 119, 121–3
- Сома (ск., п.), ученица Будды 90
 Сона Коливиса 55
 Соэн Сяку 132; 181–2
 спарша (ск.; п. — пхасса) 44
 сутра (ск.; п. — сутта) 19, 32–3, 101, 137
- Татхагата (ск., п.) 7, 24, 71, 73, 76, 80–2, 84–5, 102–3
 Тибет 7, 138, 140; 173–4
 тришна (ск.; п. — танха) 44, 114, 123
- упадана (ск., п.) 45
 Урувела (п.; ск. — Урувилва) 27
- Фа Сянь 27; 182
- хинаяна 7, 159, 163
 Хотан 138
- Цейлон (совр. Шри-Ланка) 7
 цуглаканг (*тиб. tsug-lag-khang*) 8

- Чакравартин (ск.; п. — Чак-
 каватти) 12
 Чандака (ск., п.) 19–20, 26
 Чуллапантхака (п.), Пантха-
 ка Малый 150–1
 Чунда (ск., п.) 101–3

 шад-аятана (ск.; п. — сал-
 аятана) 44
 Шакья (ск.; п. — Сакья) 7,
 9–10, 18, 20–1
 Шакьямуни (ск.; п. — Са-
 кьямуни) 7, 71, 73
 Шарипутра (ск.; п. — Сари-
 путта) 73

 шрамана (ск.; п. — самана):
 Видение 22–5; Гаутама
 (ск.; п. — Готама) 77–8, 86
 Шригала (ск.; п. — Сигала)
 70–2
 Шуддходана (ск.; п. — Суд-
 дходана) 10–2

 Эйнштейн А. 143

 Юрьевич С. А. 148–9; 182

 Япония 7
 Яшодхара (ск.; п. — Ясодха-
 ра) 18, 21–2, 26

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСНОВЫ БУДДИЗМА	5
Приложение	
Послесловие	167
Библиография	
Переводы буддийских источников	176
Некоторые другие источники	180
Указатель	185

От редакции

Вдохновенное введение в основы Учения Гаутамы Будды. Книга, над которой Елена Ивановна Рерих (1879–1955) работала в Индии четверть века, отличается широтой охвата источников, простым слогом, силой и красотой изложения.

В этой сравнительно небольшой работе, адресованной прежде всего тем, кто ещё только знакомится с Учением Будды, так или иначе отражены труды наиболее авторитетных исследователей буддизма 2-й половины XIX — 1-й трети XX вв. Шлоки буддийского Канона органично сочетаются здесь с положениями из работ выдающихся современных представителей буддизма стран Востока — и признанных популяризаторов буддийского учения; крупнейших буддологов Запада и учёных России; сведениями древнейшей устной традиции — и выдержками из естественно-научных исследований.

Настоящее, наиболее полное издание включает в себя добавления из посмертного английского издания (1971); использованы все доступные материалы из архива Е. И. Рерих.

В приложении приводятся краткие сведения об истории создания книги, литературных и научных источниках, имеется указатель.